

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Рыбка по имени Зайка

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Рыбка по имени Зайка

«ЭКСМО»

2004

Донцова Д. А.

Рыбка по имени Зайка / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2004 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

Караул! Иван Подушкин в цейтноте! Мало того, что его хозяйка и владелица детективного агентства «Ниро» укатила в Швейцарию, чтобы заново научиться ходить после операции. Так еще она поручила своему секретарю отремонтировать всю квартиру к ее возвращению. И теперь несчастный Ваня, как жалкий бобик, носится в жару по магазинам в поисках суперунитазов, музыкальных умывальников и ванн. Естественно, на время ремонта ему пришлось перебраться жить к маменьке, что само по себе не сахар, и тут еще им на голову, как болид с неба, свалилась матушкина сестра-близнец из Америки. А кто способен вынести Николетту в двух экземплярах? Но беда не приходит одна! Черт дернул Подушкина остановиться покурить у обочины оживленной трассы. Там его захомотала «ночная бабочка» Римма. А вскоре несчастного Ваню вызвали в милицию по подозрению в убийстве этой самой жрицы любви...

© Донцова Д. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дарья Донцова

Рыбка по имени Зайка

Глава 1

У меня есть вредные привычки, и я не намерен с ними расставаться. Хотя на проблему можно посмотреть и с другой стороны.

Давайте разберемся, что следует считать пагубными пристрастиями. Употреблять спиртные напитки? Курить сигарету за сигаретой? Волочиться за каждой юбкой? Готов поспорить с вами. Редкий мужчина откажется от рюмки хорошего коньяка, качественной сигареты, красивой женщины. Впрочем, кое-кто предпочитает другой сорт спиртного, не всем по душе то, чем наслаждаюсь я. Многие парни любят водку или вино, но суть дела от этого не меняется. У меня есть приятель, Сеня Рокотов, давно и счастливо женатый на вздорной Анюте. Так вот, весело проведя пару часов с очередной любовницей, Семен, прежде чем заявиться домой, поступает неординарно. Он выискивает какую-нибудь строительную площадку, чем грязней, тем лучше, и самозабвенно топчется на первом этаже возводимого здания, извозюкивая в цементной пыли дорогие ботинки. Потом, даже не подумав почиститься, Рокотов влезает в свой роскошный джип и катит к Анюте. Супруга открывает дверь, в руках у нее нет скалки, но выражение ее лица таково, что большая часть мужиков мигом бы упала на колени.

– Где ты был? – ледяным голосом спрашивает Аня.

– К любовнице ездил, – сообщает чистую правду Сеня.

И тут его ласковую женушку просто сносит с катушек.

– Врун! – вопит она. – Посмотри на свои туфли! Опять сам показывал клиенту квартиру? Ну сколько раз тебе, козлу, говорить: не шлейся по недострою! Для этого есть специально обученные люди. Ты же хозяин огромной строительной корпорации, а не риелтор хренов. Скройся с глаз!

Анюта считает вредной привычкой посещение строек. Вот вам придет в голову такое? То-то и оно!

К чему это я занудничаю? Да просто так, от плохого настроения и нахлынувшей депрессии. А еще оттого, что одна из моих привычек – жить спокойно в своей комнате, зная, что никто без особой необходимости не ввалится ко мне, – теперь грубо нарушена.

Я с детства любил одиночество. Отец рассказывал, как в момент прихода гостей маленький Ванечка старательно отворачивался от милых тетенок, пытавшихся обнять или поцеловать его, и мигом ушмыгивал в детскую. Сколько раз мне доставалось от Николетты за подобное поведение!

– Вава, – злилась маменька, – не будь букой, изволь улыбаться людям и поцелуй Коку.

Один раз я по малолетству попытался сказать родителям правду.

– Не хочу целовать.

– С какой стати? – взвилась Николетта. – Кто спрашивает о твоих желаниях? Изволь делать то, что велят! Живо обними Коку и Маку.

Но я в тот день решил проявить несвойственную мне настойчивость и попытался объяснить.

– От Коки ужасно пахнет сладкими духами, а Мака противно слюнявит мне щеку, просто тошнит от них обеих!

Гнев, павший на голову маленького Вавы, был настолько ужасен, что потом до десяти лет я безропотно выходил вечером в прихожую, шаркал ножкой, кивал головой и с тоскливой улыбкой выслушивал щебетание усыпанных камнями дам.

– Ах, Вава, ты так вырос! Просто невероятно, только посмотри, Николетта! Совсем взрослый мальчик!

Наверное, следовало сказать:

– Что вы так удивляетесь? Ведь приходите сюда два раза в неделю и видите меня постоянно!

Но, повторяюсь, до десяти лет я стоически терпел объятия, поцелуи и прикосновения чужих, пахнущих разными, не всегда приятными ароматами рук к своей голове. А еще есть категория людей, которые обожают щипать детей за щеку, приговаривая: «Красавец растет». Не знаю, как другие малыши, а меня коржило от такой «ласки».

Перейдя в четвертый класс, я внезапно понял, каким образом можно избавиться от напасти. Когда Николетта, разряженная в пух и прах, влетала в мою комнату с воплем: «Как? Ты еще не в костюме? Немедленно одевайся и иди в гостиную, Кока пришла!» – я медленно отрывал глаза от книги и покорно говорил:

– Уже бегу, только напиши записку.

– Какую? – настораживалась Николетта.

– Ну... обычную... «Ваня Подушкин не выполнил сегодня уроки, потому что дома были гости!»

Первое время, услышав такую просьбу, Николетта восклицала, выпихивая меня в коридор:

– Ну и ерунда! Конечно, напишу! Эка проблема.

Но я не ждал мгновенного успеха, был упорен, словно китаец, перебирающий рис, и в результате добился нужного эффекта. Через месяц после начала «акции» моя классная руководительница, заслуженная учительница РСФСР, дама, увенчанная за свои заслуги орденом, заявила на родительском собрании:

– К сожалению, в нашем классе не все благополучно. Ваня Подушкин, вероятно, останется на второй год. И мальчика нельзя обвинять, учиться ему мешает семья...

Гневные обличения полились на Николетту, на столе появились все написанные ею цидульки, родители с нескрываемым возмущением смотрели на маменьку. Николетте, красной от злости, пришлось оправдываться. В советские времена вечеринки считались делом несерьезным, почти порочным, а мать, разрешающая сыну не делать уроки, приравнивалась по статусу к запойным алкоголичкам.

После этого случая меня оставили в покое. Один раз папенька зашел в мою комнату и с тоской спросил:

– Ты, конечно, не выйдешь к гостям?

– Нет, – быстро ответил я, – завтра делаю доклад по истории.

Из груди отца вырвался тяжелый вздох, перешедший в стон, и он пробормотал:

– Может, взять на вооружение твой метод? Попросить Николетту писать записку в издательство? Дескать, товарищ Подушкин не сдаст рукопись, потому что вчера принимал гостей?

Я засмеялся, а отец ушел, мрачный, как ноябрьский вечер.

Став совсем взрослым, я постоянно отстаивал неприкосновенность своей комнаты, наверное, в этом и лежит основная причина моего холостячества. Ну какая женщина согласится входить на территорию мужа, предварительно постучав? Основополагающим аргументом в пользу работы секретарем у Норы для меня было ее желание, чтобы я обитал в одной квартире с хозяйкой. Именно поэтому я моментально подписал контракт. Существовать бок о бок с Николеттой просто невозможно. Маменька способна ворваться ко мне в любое время суток и начать скандал. Нора же, отпустив секретаря отдыхать, никогда не вломится в его спальню. Если он вдруг понадобится хозяйке в неурочный час, последняя позвонит по телефону. Поэтому до прошлого вторника меня можно было назвать совершенно счастливым чело-

веком: я имел интересную работу, умную начальницу, отдельную комнату, забитую любимыми книгами, энное количество свободного времени и достойную зарплату.

Но неделю тому назад мое размеренное существование подверглось кардинальному изменению. Норе сделали операцию, в результате которой она встала из инвалидного кресла. Чтобы вновь научиться ходить, моя хозяйка отправилась на три месяца в Швейцарию, в специализированную клинику. Тамошние врачи дали ей почти стопроцентную гарантию успеха, сказав:

– Вы непременно станете передвигаться самостоятельно, правда, вероятнее всего, опираясь на палку.

– Еще посмотрим, кому из нас понадобится трость, – бодро воскликнула Нора и отбыла на берег Женевского озера.

Но перед тем как войти в лайнер, Элеонора вызвала в квартиру строительную бригаду и дала указание: сделать ремонт, уничтожив в жилище все приспособления для инвалида. Она велела превратить очень широкие дверные проемы в нормальные, убрать специальные поручни из туалета и ванной, изменить письменный стол в кабинете, ну и так далее.

На мой взгляд, поведение Норы иначе как идиотским назвать нельзя. Да, после операции она встала на ноги, но это все. Хозяйка именно стоит, ни одного шага Нора пока самостоятельно сделать не способна, и неизвестно, сумеет ли она научиться ходить. Вполне вероятно, что ей вновь придется занять привычное место в инвалидной коляске, но я не мог привести эти аргументы хозяйке. Если Норе что-то взбрело в голову, никакими бейсбольными битами сумасбродство оттуда не вышибешь.

Во вторник Нора покинула Россию. Домработница Ленка отправилась вместе с ней, а мне было велено следить за ремонтом. В принципе, ничего страшного не произошло, в бригаде есть прораб, правда, я еще не видел парня. Наша встреча назначена на сегодня, именно он займется всеми работами, мне предстоит лишь проверять счета, выбирать кафель, паркет, двери, штукатурку и прочее. Конечно, хлопотно, но терпимо. И пугают меня не поездки по стройдворам и рынкам, а то, что мне три месяца, весь срок, за который обещано изменить до неузнаваемости интерьер апартаментов, придется жить в родительской квартире, соседствуя с Николеттой. Собственно говоря, я уже здесь, перебрался в свою бывшую комнату и в данный момент пытаюсь встать со слишком узкой кровати. Встреча с прорабом по фамилии Бондаренко назначена в полдень, возле станции метро «Войковская».

Главное теперь – осторожно пробраться в ванную, быстро привести себя в порядок и выскочить из дома, прежде чем из спальни Николетты донесется раздраженный голосок:

– Ну и где мой кофе? Тася! Немедленно подогрей круассаны.

Достигнув двери «помывочной», я перевел дух, повернул ручку и вздрогнул: у зеркала в ярко-красном халате стояла маменька.

– Просто безобразие, – с чувством произнесла она, откладывая щетку для волос, – ужасно! Ты спишь, словно буйвол! Уже полдня прошло.

Я удивился, родительница никогда не выбирается из постели раньше полудня, а сейчас часы показывают десять утра.

– У тебя мигрень? – осведомился я.

Николетта испепелила меня взглядом.

– Чушь! Иди в столовую.

– Мне пора бежать, – возразил я.

– Куда? – сдвинула выщипанные брови Николетта.

– На работу.

– Ерунда! Нора в Швейцарии.

– Она затеяла ремонт, мне велено следить за ходом процесса. В двенадцать встречаюсь с прорабом.

– Перенеси свидание.

– Но почему? – стойко отбивался я.

Николетта бросила взгляд в зеркало, томно улыбнулась и торжественно произнесла:

– Скажи, Вава, что ты знаешь обо мне?

– Ну, многое.

– Нет, – с видом древнегреческой богини заявила маменька, – есть в нашей семье страшные тайны, скрытая ото всех информация. Даже Павел, с которым я промучилась столько лет, не владел ею. Теперь настало время прочесть вслух страницы истории. Пойдем, я введу тебя в курс дела! Час пробил!

Развернув плечи, горделиво выпрямив спину и высоко подняв голову, маменька выплыла из ванной. Я пошел за ней, немало заинтригованный сделанным заявлением. Николетта совершенно не умеет держать язык за зубами. Ее следовало принять на работу в какую-нибудь организацию, занимающуюся пиаром. Если сообщить маменьке некий факт, а потом предупредить: «Милая, умоляю, никому не рассказывай об услышанном», – можете быть уверены: сведения мигом разнесутся по Москве.

Не надо покупать журналистов, платить им за эфир, газетные статьи и радиосообщения. Николетта в одиночку справится с делом. Что же это за тайна такая, о которой она никому не проболталась?

– Моя семья была очень знатной, – завела маменька, опускаясь в изящное кресло, – в нашем роду имелся французский граф, который женился на юной дочери богатого торговца зерном. Мезальянс, конечно, жена не подходила ему, не имела благородного происхождения...

Я кивнул. Действительно, француз присутствовал, и именно от него, простого солдата армии Наполеона, маменьке досталась необычная для русского слуха фамилия – Адилье. Но, собственно говоря, это вся правда. Никаких благородных корней парень не имел, его происхождение скрывает плотный туман.

Мой отец, прозаик Павел Подушкин, автор популярных исторических романов, к работе относился серьезно. Прежде чем начать писать очередную книгу, он просиживал в архивах, изучая эпоху, в которую намеревался поселить героев. В свое время отец, слегка уставший от скандалов Николетты на тему: «Тяжело женщине благородного происхождения соседствовать с хамом», решил слегка уговорить супругу и составил ее родословную. Тут-то и выяснилась правда.

Солдат Адилье был среди тех воинов, которых Наполеон бросил на взятие Москвы. Помните, чем кончилась затея? Великого француза вместе с остатками его армии погнали назад по разоренной Смоленской дороге. Мороз в тот год, по свидетельству историков, стоял страшный. Пехота Наполеона попросту замерзла. Солдатик Адилье свалился у околицы одной из деревенок, он явно приготовился умирать. И тут его пожалела простая русская баба. Вскоре по селу забежали черноволосые, щуплые, носатые дети. Вот так и появился на Руси род Адилье. Интеллигентов в нем днем с огнем было не сыскать. Лишь отец Николетты, никогда не виденный мною дед, сумел получить образование и перебраться в 1902 году в Москву. После большевистского переворота он сделал карьеру партийного работника, ухитрился не попасть в сталинские лагеря и погиб при взятии Берлина. Мать Николетты умерла, мою маменьку воспитывала дальняя родственница. Впрочем, подробностей я не знаю. Николетта, рассказывая о своем детстве и отрочестве, всегда путается в деталях. То она повествует о своей жизни в огромной квартире, набитой антиквариатом, то вдруг ненароком бросает фразу:

– Тетка всегда злилась, если я тратила всю воду из душа, ей потом приходилось идти к колодцу.

Короче говоря, правды о юности маменьки я не знаю. Достоверно сообщить могу лишь одно: она была очень красива и сумела выйти замуж за моего отца, который к моменту свадьбы уже стал подающим надежды писателем.

– Вот смотри, – журчала тем временем Николетта, выкладывая на стол огромный альбом с фотографиями.

Я вздрогнул. Нет, только не это. Попался, словно глупый карась, на крючок! Какие тайны! Сейчас начнется демонстрация снимков. Николетта имеет жуткую привычку заставлять людей любоваться своими изображениями, сопровождая просмотр комментариями, типа:

– В меня были влюблены все великие! Писатель N, актер С, композитор К и даже сам Р! Вот! А это платье...

И понеслось... Впрочем, слушать в первый раз истории было интересно, во второй – забавно, в третий – утомительно, ну а в четвертый, десятый, сотый – просто невозможно. К тому же маменька энергетический вампир: посидев около нее более пятнадцати минут, я ощущаю резкий упадок сил, головокружение и полнейший дискомфорт.

– Извини, Николетта, – резко сказал я, – меня ждет прораб. Неудобно опаздывать.

– Сообщи ему, что придешь позднее, – рявкнула маменька, – говорю же: дело чрезвычайной важности.

Я вытащил телефон, набрал номер и услышал звонкий девичий голосок:

– Алло.

– Это номер прораба Бондаренко?

– Да.

– Можно его к телефону?

– Кого его?

– Прораба, – повторил я, – наверное, Евгения, простите, у меня тут на бумажке написано Е. Бондаренко.

– Прораба Евгения Бондаренко нет, – захихикала девица.

– Вы его увидите?

– Ну...

– Сделайте одолжение, передайте ему, что Иван Павлович Подушкин не сможет приехать к полудню.

– Очень плохо! – отрезал голос. – А когда господин Подушкин выберет время для разговора с прорабом Е. Бондаренко?

– Вечером.

– В двадцать один ноль-ноль пойдет? Раньше Е. Бондаренко не сумеет.

– Да, спасибо.

– Ну и отлично, – повеселела девица и мгновенно отсоединилась.

– Вава, – рявкнула маменька, – теперь, наконец, можешь уделить мне пару мгновений?

Я молча кивнул и приготовился выслушать занудный монолог на тему «Красавица Николетта и великие мужчины у ее ног».

Глава 2

Но маменька неожиданно удивила меня.

– У меня есть сестра, родная, – вдруг сказала она. – Одно время я считала, что ей безумно повезло, потом сообразила: моя жизнь намного более интересна, чем ее жалкое существование.

– Сестра? – изумился я. – Но почему ты никогда о ней не упоминала?

Николетта скорчила кислую мину.

– Мэри – наша семейная тайна. Очень давно, еще до того, как я свела знакомство с твоим отцом, она невесть где познакомилась с иностранцем, американцем! Представляешь! На дворе социализм, а Мэри закрутила роман с гражданином США! Вот это был пердимонкль!

Я покачал головой. Да уж, такое в стране, строящей коммунизм, запрещалось категорически.

– Мало того, – вещала Николетта, – она вышла за него замуж и укатила в Америку. Слава богу, это случилось до моего замужества! Отец ее супруга был важной шишкой у себя на родине, кстати, он из русских, какой-то верующий, его предки убежали за океан всей коммуной еще при царе. Жили они очень обособленно, язык сохранили. Мэри улетела в Нью-Йорк, а мы здесь остались, о нас она не подумала! Каково тут сестре придется! Заполнять анкеты и указывать: ближайшая родственница живет в империи зла. Ужасно. В общем, я потом осчастливила Павла, взяла его фамилию, ну и забыла про Мэри.

– Тебе это сошло с рук? – удивился я.

Николетта дернула плечиком:

– Ну да! Первое время, конечно, я вздрагивала. К примеру, пришла я устраиваться на работу в театр, стала заполнять в отделе кадров листок и вся потом покрылась. Вижу вопрос: имеете ли родственников за рубежом? Сама не понимаю, как «нет» нацарапала. Дальше легче пошло, ну а потом я про Мэри и впрямь забыла, пока письмо не получила. Честно говоря, я думала, что она давно скончалась, никаких вестей много лет не было.

– И отец ничего не знал? – продолжал недоумевать я. – И твои подружки?

Николетта скривилась:

– Когда я осчастливила Павла, он был никем, так, заштатный литератор, неизвестный и непопулярный. Особых друзей у нас не имелось. Это я сделала из него великого прозаика Павла Подушкина. Так вот, мы встретились через два дня после моего приезда из Стеклова...

– Откуда? – изумился я.

Николетта покраснела:

– Не перебивай. Я, талантливая девочка, приехала в Москву... ну да это неинтересно. Встретила Павла, и что, по-твоему, я должна была ему через пять минут после знакомства заявить: моя сестра уехала в Америку? Знаешь, в те годы так не поступали. Ну а потом я просто забыла о ней, появился новый круг общения, иные заботы, мне пришлось целиком отдать себя семье: мужу и сыну. В общем, сейчас ты едешь в аэропорт и встречаешь Мэри Иванофф из Нью-Йорка. Вот тебе номер рейса и на всякий случай номер ее мобильного.

– Но как я узнаю старушку?

– Старушку?! – в негодовании воскликнула Николетта. – Да мы...

И тут раздался звонок в дверь.

– Немедленно открой, – велела маменька. – Таська на рынок удрала.

Я пошел в коридор, пытаюсь переварить по дороге полученную информацию. У Никоветты имеется сестра! Наверное, она младше моей маменьки. Вполне вероятно, что у нее есть дети, мои двоюродные братья и сестры. Ей-богу, не знаю, как отнестись к этому известию.

Я распахнул дверь, задумавшись и не посмотрев в глазок.

– Здравствуйте, – произнес до боли знакомый голосок, – Вероника Адилье тут живет?

Я вздрогнул. Действительно, по паспорту маменька Вероника, вернее Вероника. Ее называли в честь итальянского города Верона, где жили Ромео и Джульетта, во всяком случае, так мне объяснили в детстве. Но все вокруг – и друзья, и знакомые – зовут ее Николеттой.

– Да, – кивнул я, – а вы кто?

– Ее сестра Мэри! – прошептала дама, по-прежнему стоя на лестничной площадке.

– Господи, я собрался встречать вас! – подскочил я на месте.

– Я уже прилетела. Самолет приземлился в три утра. Вероника здесь, можно войти?

– Конечно, конечно, – засуетился я, – где ваш багаж? В машине?

Мэри кивком указала на небольшую сумку.

– Вот.

– Это все? – изумился я.

– Ну да, – спокойно ответила она, – а зачем больше?

Я поднял кожаный ридикюль размером с портфель. Мэри вошла в прихожую. Она сняла коротенькую курточку из плащовки, потом прикоснулась к большой шляпе, поля которой почти полностью скрывали ее лицо, и именно в этот момент в коридоре появилась Николетта.

– Вероника! – закричала Мэри. – Мой бог! Ты не изменилась!

– Мэри! – взвизгнула маменька. – Ты уже здесь? Но мне сообщили, что рейс прибывает в три дня!

– Это пятнадцать часов, – спокойно ответила Мэри и сняла шляпку, – если говорят «три», естественно, имеют в виду утро. Ты, как обычно, все перепутала.

– Вава! – заверещала Николетта. – Ах! Ах! Ах! И Таськи нет! Вава! Живо! Быстро! Чаю! Кофе! Икру! Шоколад! Ванну! Постель! Ох! Ух! Эх!

Я повернулся к Мэри и хотел было поинтересоваться у неожиданно обретенной тетки, чего она хочет больше: принять после дороги ванну или выпить чашечку арабики, но слова застряли в горле, тело оцепенело, язык парализовало. Впрочем, вы хорошо поймете меня, если я расскажу, что увидел.

Справа от меня в шелковом ярко-красном халате стоит Николетта. Волосы маменьки выкрашены в цвет сливочного масла, подстрижены под пажа, довольно густая челка прикрывает лоб, голубые глаза задорно блестят, а на слишком розовых губах сияет улыбка. Слева от меня в красивом брючном ярко-красном костюме стоит... Николетта. Волосы ее выкрашены в цвет сливочного масла, подстрижены под пажа, довольно густая челка прикрывает лоб, голубые глаза задорно блестят, а на слишком розовых губах сияет улыбка.

На секунду мне стало дурно. Справа маменька и слева тоже, их две. Даже в страшном сне не могло привидеться подобное.

– Вероника, – спросила та Николетта, что находилась слева, – это кто?

– Мой сын, – ответила правая маменька. – Вава, молодой, еще не женатый мальчик.

– Похоже, он не знал, что мы с тобой близнецы, – улыбнулась Мэри.

Я без сил шлепнулся на стоящий у стены кривоногий, хлипкий диванчик, неумелую подделку под рококо. Две Николетты! О боги, пожалейте меня!

День пошел прахом. Мне и вернувшейся с покупками Тасе пришлось обустроить комнату для Мэри и выслушивать радостные вопли воссоединившихся сестер. Тася вспугнутой кошкой металась между плитой и холодильником. Наконец я, в сто первый раз выслушав историю жизни Мэри, воспользовался моментом, когда Николетта вытащила гору альбомов со снимками, и потихоньку вышел из квартиры. До встречи с Е. Бондаренко оставалось довольно много времени, но лучше я бесцельно поезжу по улицам, чем останусь в гостинной вместе с пришедшими в невероятный ажиотаж сестричками.

Стараясь ни о чем не думать, я медленно ехал вдоль проспекта. Надо же, сейчас конец августа, а на улице уже быстро темнеет. В июне в Москве стояли почти белые ночи, но не успел пролететь месяц, как сумерки стали наползать на столицу ранним вечером.

Решив спокойно покурить, я припарковался около тротуара, опустил окно, вытащил сигареты...

– Если на всю ночь, то дешевле получится, – заявила появившаяся как из-под земли девица.

Я окинул ее взглядом. Стройные ножки туго обтягивали джинсы, полупрозрачная кофточка расстегнута почти до пупа, личико размаковано всеми цветами радуги, в ушах покачиваются слишком большие, чтобы быть настоящими, камни. Понятно, я случайно подъехал к стойбищу «ночных бабочек».

– Если до утра берешь, то меньше платишь, – повторила девушка, – выгодно получается.

– Спасибо, не надо.

– Ну, тогда почасовая оплата.

– Спасибо, я просто покурить остановился.

– Да? Не ври-ка! – заявила проститутка. – А то другого места не нашлось. Небось я тебе не по вкусу пришлась. Во мужики, ни слова в простоте не скажут! Наверняка тебе больше блондинки нравятся? Эй, Римма, топай сюда!

Не успел я глазом моргнуть, как у машины материализовалась еще одна фея магистрали, на этот раз пышечка с водопадом сильно завитых волос цвета сухого сена.

– Аюшки! – воскликнула она.

– Бери, дарю, – заявила первая «бабочка», – ему брюнетки не по вкусу.

– На ночь дешевле, – мигом сообщила Римма.

Ее товарка приветственно махнула мне рукой и исчезла.

– Так как? Куда едем? – деловито поинтересовалась Римма. – Можно ко мне!

– Простите, – попытался я внести ясность в совершенно идиотскую ситуацию, – но я не имею никакого намерения заниматься любовью, просто притормозил тут.

Римма секунду молчала, потом сказала:

– А ну пусти меня в машину, пускай наши думают, что мы условия обговариваем.

– Но...

– Да открой дверь, – тихонько засмеялась Римма, – не бойся, не изнасилую.

– Садитесь, – кивнул я.

Римма влезла в автомобиль.

– Хочешь заработать?

– Денег? – глупо спросил я.

– Сто зеленых баксов, – уточнила Римма.

– Вы мне хотите заплатить?

– Точно.

– За что?

Римма внезапно прекратила улыбаться.

– Давай отъедем в сторону, чуть подальше отсюда, а то сейчас охрана примотается, слишком долго мы торгуемся.

– Но я не хочу ничего такого!

Римма закатила глаза.

– Не хочешь, и не надо! Кому ты нужен? Дорогуша, не трясись. Уж можешь поверить, у меня никакой тоски от отсутствия потраха нет. Давай откатим на соседнюю улицу, а?

В этот момент к машине лениво подошел щуплый паренек лет семнадцати с папкой в руках и, распространяя сильный запах мятной жвачки, сказал:

– Римк, проблемы?

– Нет, шоколадно все, – ответила проститутка, – просто вот мальчик думает, на ночь подписаться или на время.

Юноша глянул на меня и неожиданно улыбнулся. Его лицо стало открыто-беззащитным, совершенно детским.

– Если вам до утра, то дешевле выйдет, выгодно получится, – пояснил он.

Римма незаметно толкнула меня ногой.

– Ладно, – неожиданно для себя вдруг заявил я, – забираю ее.

– Ну и правильно, – кивнул паренек, – сертификат качества смотреть будешь?

От неожиданности я икнул и повторил:

– Сертификат качества?

– Ну да, на нее.

– На девушку?

Сутенер кивнул:

– Ты, между прочим, фирменную вещь берешь. У нас массажный салон, называется «Яблочко». Не шалавы какие-нибудь работают, из деревни удравшие. Элитные девочки, все москвички, студентки, с такой и поговорить приятно, и чай попить. Утешит по полной программе, окажет психологическую помощь. Ну и о здоровье заботимся. Про СПИД слышал?

– Да, – машинально ответил я.

– Так это еще ерунда, – вздохнул торговец женским телом, – скажу тебе – худшие болячки случаются, гепатит, к примеру. Поэтому вот!

Насвистывая бодрый мотивчик, сутенер раскрыл папку и вытащил листок формата А-4. Я уставился на текст. «Римма П. Анализ. СПИД, гепатит, сифилис, генитальный герпес. Диагноз: практически здорова». В углу была приклеена фотография девушки.

– Так куда двинете? – перешел к делу парень.

– А ко мне, – быстро ответила Римма.

– Значитца, не в салон?

– Не, он хочет в домашней обстановке.

Продолжая насвистывать, юноша выудил из кармана нечто похожее на блокнот, ручку, почиркал на листке, оторвал его и протянул мне:

– Держи.

– Это что?

– Чек. Платить надо сейчас. Если понравится, приезжай еще. Расчетный документ не выбрасывай, покажешь его старшему по смене, постоянным клиентам скидка, она накопительная. У нас кое-кто давно за полцены такое обслуживание имеет, закачаешься!

Я плохо понимал, во что влип. От Риммы сильно пахло духами, хорошими, похоже, дорогими, но согласитесь, всего должно быть в меру! Сутенер тоже пользовался парфюмом, тяжелым, слишком сладким, а еще он безостановочно тараторил. На улице стало душно, над проспектом колыхался смог, и сильно парило, вероятно, собиралась гроза.

– Плати и поезжай, – сказал он.

Я вытащил кошелек, отдал деньги и тут только понял, какого дурака сваял. Хитрая Римма попросту вынудила Ивана Павловича купить себя. Слабым оправданием совершенной мною глупости могла послужить сгустившаяся духота.

– Давай, – двинула меня в бок Римма, – чего замер? Шевелись! Прямо, налево, направо, стоп!

Я послушно нажал на тормоз и возмутился:

– Вы всегда так обманываете мужчин? Объяснил же, что не испытываю ни малейшего желания прикасаться к вам!

– И не надо, – устало отозвалась Римма.

– Но я заплатил немалые деньги!

Проститутка раскрыла крохотную сумочку, на свет появилось несколько зеленых бумажек.

– На, – сунула она мне в руки скомканные ассигнации.

Я бросил взгляд на доллары:

– Тут намного больше. Заберите лишнюю сотню.

– Она твоя.

– С какой стати?

– За работу.

Я кашлянул:

– Деточка, я не приучен брать мзду от женщин, а уж от тех, кто занимается проституцией, и подавно.

– А чего? – пожала плечами Римма. – Служба как служба, платят хорошо.

– Вылезайте, – велел я, – забирайте сто долларов и уходите.

– Слышь, – пробормотала Римма, – помоги мне, за услугу сотняшку себе оставишь.

Работа плевая, подбрось меня в одно место, тут недалеко.

Мое возмущение достигло предела.

– Послушай, я еду совсем в другую сторону. Ты вполне можешь взять такси или прошвырнуться на метро. Насколько понимаю, рабочий день у тебя не нормирован, по звонку к службе ты не приступаешь!

Римма хихикнула:

– Ты перестал «выкать», классно. Слушай, помоги! Мне надо поговорить кое с кем, тайком. Да, ты прав, я работаю вроде в свободном режиме, но не все так просто. Меня привозят в определенное время на точку, и потом есть три варианта. Один – мы прямо в машине перепихиваемся.

– Неудобно же, – вырвалось у меня.

Римма снисходительно прищурилась:

– Кое-кому нравится. Но если клиент желает комфорта: кофе, ванну, кровать, на такой случай имеются квартиры. Одна здоровенная, там десять комнат, офисом называется.

– Вроде публичного дома! – догадался я.

– Ага, – кивнула Римма, – а уж для тех, кто совсем оттянуться хочет, по самому дорогому варианту, однушка предоставляется.

– Когда ты говорила: «Мы ко мне поедem», имела в виду именно этот вариант?

– Догадливый, – скорчила гримаску Римма.

– И ты там обитаешь?

– Нет, конечно.

– Извини, ну никак не пойму, в чем дело, – воскликнул я.

Римма закатила глаза:

– Прямо картина «Тупой, еще тупее»! За нами следят очень плотно. Возле квартир и офиса охрана караулит.

– Так заботятся о вашей безопасности?

Девушка тяжело вздохнула:

– О себе думают, наши девки все из Молдавии и Украины привезенные, паспорта у мамки. А парни глядят, чтобы живой товар не убежал, девчонки отработать расходы должны и прибыль принести. Большинство б... одних не отпускают.

– А ты, значит, на особом положении? – усмехнулся я. – Элита!

Личико Риммы осунулось.

– Да, – кивнула она, – со мной отдельная история. Для начала – я москвичка, или по речи не понял? Не «хекаю», не «гэкаю», на «а» разговариваю. Пашка, сутенер наш, конечно, брехал, когда про девочек-студенток рассказывал. Только в отношении меня это чистая правда. Два курса института за плечами.

– Но как же так? – воскликнул я. – Небось у тебя родители нормальные, а ты на улице собой торгуешь?

Римма кивнула:

– Верно. Семья у нас обеспеченная, фамилия моя красивая – Победоносцева, отец бизнесом занимается, мама домашняя хозяйка, еще сестра есть, Надя. Я в девятнадцать лет влюбилась и замуж собралась, а родители рогами уперлись: он тебе не пара...

Я вытащил сигареты, слушая одним ухом «ночную бабочку». Ничего особенно интересного в ее повествовании нет.

Глава 3

Многие молоденькие особы полагают, что в столь юном возрасте они отлично знают жизнь. Вот и Римма принадлежала к их числу. Девушка надула губки, топнула ножкой и заявила.

– Иду в загс.

Но выполнявшие до сих пор все прихоти дочурки папа с мамой заартачились и категорично заявили:

– Нет.

Потом, правда, они попытались вразумить капризное, не знавшее ни в чем отказа дитяtko, попробовали воззвать к здравому смыслу:

– Жених из провинции, гол как сокол. Мы о нем ничего не слышали, кроме того, что денег у него нет, квартиры, машины, работы тоже. Уймись, дочка, нам же придется вас содержать.

Услышав эти речи, Римма как с цепи сорвалась. Наорав на маму с папой и сообщив им все, что она про них думает, девушка, гордо не взяв с собой ничего из вещей, с одной крохотной сумочкой заявила к кавалеру. Единственной ценностью были сережки у нее в ушах.

Сначала пара упивалась любовью, Римма бросила институт. Сделала она очередную глупость исключительно из желания насолить родителям, кроме того, ей не хотелось, чтобы мама с папой, заявившись в учебное заведение, у всех на глазах надавали ей пощечин и отволокли домой.

Нет, Римма давно взрослая, она сама способна распорядиться своей судьбой.

Первым делом они с Игорем пошли в загс. Затем новоиспеченные муж с женой решили покончить с учебой и заняться бизнесом. Продав Риммины бриллиантовые сережки, молодая семья сняла квартиру. Особо не мучаясь, Игорь надумал торговать автомобилями.

– Дело пойдет, – уверял он Римму, – я отлично разбираюсь в механизмах.

– Деньги нужны, – вздыхала девушка. – А где их взять?

– Не волнуйся, дорогая, – воскликнул Игорь, – мне дали в долг.

– Кто? – проявила любопытство Римма.

– Не забивай себе голову ерундой, – отмахнулся муж и поцеловал ее.

Римма прижалась к нему, задыхаясь от счастья. Вот какой ее Игорь замечательный, все у них будет хорошо, лет через пять построят особняк в Подмосkовье, купят джип и приедут к ее родителям. Пусть мать с отцом поахают, пооахают, станут лебезить:

– Игоречек, садись, чего хочешь? Чаю, кофе?..

И тут Римма гордо ответит:

– Ну уж нет! Значит, когда был бедный провинциал, то вы его не любили? А теперь пошли сами вон!

Затем она подхватит мужа и уйдет. Родители бросятся за ними, станут умолять простить их... Но нет! Римма не вернется, пусть кусают локти и рвут на себе волосы.

Однако действительность оказалась не такой, как мечты. Игорь не сумел наладить бизнес, и на нем повис огромный долг. Заимодавец «включил счетчик». О неприятностях Римма узнала внезапно.

Пришла домой и обнаружила на столе записку: «Уехал на три дня, не волнуйся». Римма попыталась соединиться с Игорем по телефону, но услышала равнодушное бормотание: «Аппарат абонента временно не обслуживается».

Ничего необычного в этом не было. Игорь и раньше исчезал на день, другой, ездил в города, где собирают отечественные автомобили, налаживал контакты, и у него не всегда хватало денег на оплату мобильного. Поэтому время до вечера Римма провела относительно спокойно и спать легла не поздно.

Разбудили ее осторожные шаги. Девушка села и радостно воскликнула:

– Игоряшка! Ты вернулся?

Рука нашарила выключатель, вспыхнула лампа, и Римма взвизгнула. Посреди комнаты стояли три парня, совершенно незнакомые, одетые в черные кожаные куртки.

– Где Игорь? – резко спросил один.

– Не знаю, – прошептала Римма.

– Не ври, сука, – с улыбкой перебил другой. – Куда муженек подался?

– Воры! – заорала Римма. – Помогите, милиция...

Дальнейшее помнилось плохо. Вроде в плечо укусил комар, стены комнаты внезапно стали надвигаться на нее, она хотела вскочить, но ноги не слушались...

В себя Римма пришла в незнакомой комнате, запертой снаружи. На ее крик явился мужик лет сорока и спокойно спросил:

– Чего тебе?

– Да вы, да я... похитили... милиция, – затопала она ногами.

Дядька толкнул Римму, та, не удержавшись на ногах, шлепнулась на дубовый паркет, больно ударившись.

– Слушай, – велел мужчина и завел рассказ.

По окончании его речи Римма чуть не рухнула в обморок. Игорь, оказывается, сбегал, бросив ее. На нем висит огромный долг, возрастающий с каждым днем за счет процентов. Римма теперь будет жить тут, она станет живцом, на которого рано или поздно должен попасться Игорь. Муж наверняка попытается прислать жене весточку. Просто так Римму кормить не станут, ей придется отрабатывать харчи, обслуживая на дороге клиентов. Заработок пойдет на оплату расходов и погашение долга.

– И ты согласилась? – ужаснулся я.

Римма кивнула головой:

– Альтернативы не было.

– Убежать можно. Сказать, что с клиентом пошла, и удрать.

– Ну не так это просто. Ладно, удрала! И куда идти?

– К родителям.

– Они не примут, и потом, там меня сразу найдут. Эти мерзавцы предупредили: если работаю на них – Игоря оставят в живых, коли нет, то сразу пристрелят. Я по рукам и ногам связана, даже рыпаться не стоит.

– И давно ты... работаешь?

– Да уж! Скоро долг погашу, – грустно сказала Римма.

Я не нашелся что сказать.

– В общем, так, – девушка хлопнула ладошкой по сиденью, – вчера мне Игорь позвонил.

– Муж?!

– Ага. Сказал, что приехал в Москву, всего на пару дней, и хочет встретиться. Представляешь засаду?

– Ну... пока нет!

– Экий ты малосообразительный, – фыркнула Римма. – Ну как мне с ним поговорить? Где? Я живу в бардаке! Правда, ко мне относиться лучше стали, но все равно они только и ждут, что Игоряшка прорежется. Вот отработаю весь долг, меня отпустят, тогда нам жизнь с белого листа начинать можно.

– Ты его любишь? – тихо спросил я.

– Да, – кивнула Римма, – очень.

Я посмотрел на Риммино по-детски круглошее личико и проглотил все, что хотел сказать о ее муженьке. Да парень попросту подлец! Удрал, спасая собственную шкуру, бросил девочку расплачиваться. Некоторые женщины совершенно не способны правильно оценить

своего партнера. О таких российских бабах хорошо написал великий Лесков. Почитайте его книгу «Леди Макбет Мценского уезда», великое произведение о том, какой не должна быть любовь и что приносит женщине патологическое обожание двуногого существа, по недоразумению именуемого мужчиной.

– Вот я и придумала, – продолжала Римма, не замечая моего настроения, – встретится мне сегодня клиент из симпатичных, попрошу его о помощи. Пусть отвезет меня к Игорю, наши подумают, что я мужика обслуживаю, и дергаться не станут.

– Сама же говорила, возле квартиры охрана ждет, – напомнил я, – им уже небось сообщили, что клиент едет.

Римма ухмыльнулась и схватила мобильный.

– Слышь, Пашк, – защебетала она, – мой-то горячий слишком, прям трясется весь, мы у него в машине ща устроимся. Не, он знает, что бабки не возвращаются. Ага, согласен!

Потом она сунула сотовый в карман и выжидательно уставилась на меня.

– Извини, но я тороплюсь на встречу, – завел было я и осекся.

Большие, чистые глаза Риммы начали наполняться слезами. Я испустил тяжелый вздох. Увы, я принадлежу к той категории мужчин, которые совершенно не способны лицезреть рыдающую даму. Взгляд упал на часы. Если потороплюсь и, дай боже, не попаду в намертво стоящую пробку, то вполне успею и Римме помочь, и не опоздать на встречу с прорабом Бондаренко. Девушка мигом почувствовала изменение моего настроения.

– Ну спасибо, – с чувством воскликнула она, – уж поверь, если ты попадешь в неприятность, я попробую тебя выручить.

Я улыбнулся и повернул руль.

– Ну и ничего смешного, – отрезала Римма, – никогда ведь не знаешь, каким боком жизнь повернется!

Наверное, господь помогает тем, кто совершает добрые дела. Я стрелой промчался по улицам, остановился у большого серого здания и спросил:

– Здесь?

– Вроде да, – протянула Римма, заглядывая в бумажку с адресом.

– Как же ты назад вернешься?

Проститутка хихикнула:

– На такси. Говорю же, мне теперь доверяют, знают, что назад прикачу. Вот только проверю, не следил ли за нами кто. Потолкаюсь немного перед подъездом и поднимусь в сто первую квартиру.

– Желаю удачи, – улыбнулся я.

Римма вышла, помахала мне рукой, я улыбнулся и поспешил в центр.

Встреча с прорабом должна была состояться в квартире у Норы. Я привычно открыл дверь и вошел внутрь. Спертый воздух ударил в нос. Сняв ботинки, я прогулялся по комнатам и включил кондиционеры, стало прохладнее. Теперь можно пойти заварить себе чай. Очувтившись в кухне, я невольно ахнул. Мебель исчезла, впрочем, плита, холодильник и прочая бытовая техника тоже. Лишь уродливые круглые часы сиротливо маячили на стене. Большая стрелка подобралась к цифре 12, маленькая замерла на девяти.

Не успел я прийти в себя от изумления, как в дверь требовательно позвонили, прораб Бондаренко оказался по-немецки точным. Приятно иметь дело с человеком, который уважает свое и чужое время.

Я поспешил в прихожую, распахнул дверь и испытал горькое разочарование. Нет, это не прораб Бондаренко, а очередная клиентка, не заметившая большого объявления, прикрепленного на стене, возле кнопки звонка: «Детективное агентство „Ниро“ закрыто на ремонт. Прием посетителей начнется в конце ноября». Ей-богу, жалко, что Нора временно прекратила работу, потому что стоящая передо мной женщина – настоящая красавица, такие редко встречаются

на улице, как правило, подобные девушки либо дефилируют по подиуму, либо снимаются в кино, либо сидят дома, радуя богатого мужа.

Ростом незнакомка была, наверное, около метра восьмидесяти. Ее стройное, скорей всего, тренированное в фитнес-клубе тело облегал красивый, явно дорогой, белый костюм из льняной ткани. Узенькие ступни с аккуратно покрашенными ярким лаком ногтями покоились в босоножках. Хотя, ей-богу, не знаю, можно ли назвать босоножками два тонюсеньких ремешка, усыпанных мелкими сверкающими камушками, прикрепленных к подошве, из которой торчит угрожающе острый и неразумно длинный каблук, больше похожий на острый гвоздь. Но, следует признать, красивые ноги девушки стали еще краше в этой обуви. Миниюбочка не прикрывала безупречных коленей. Очень тонкая талия, высокая грудь, точеные плечи, на которые падали иссиня-черные, мелко выющиеся волосы, огромные карие глаза, тонкий нос, пухлые губы, нежная смуглая кожа... Поверьте, клиентка выглядела словно ожившая картинка из дорогого мужского журнала.

– Здравствуйте, – сочным сопрано проговорила гостья. – Думаю, вы – Иван Павлович.

Я сглотнул слюну и закашлялся, ощущая себя полнейшим идиотом. Девушка, ласково улыбаясь, ждала, пока я справлюсь с приступом немоты. Наконец я обрел дар речи.

– Входите, только, увы, Нора уехала.

– Знаю, – кивнула нежданная гостья, – мне велено иметь дело с вами.

– Велено? – повторил я. – Кем? И о каком деле идет речь? Уезжая, Нора не оставила никаких распоряжений по работе, видите ли, у нас начинается ремонт.

– Я Бондаренко, – внезапно сообщила девушка, входя в прихожую, – меня Элеонора наняла.

– Бондаренко? Е. Бондаренко? – оторопел я. – Прораб Евгений Бондаренко? Не может быть!

– Ну уж точно не Евгений, – засмеялась девушка. – Давайте знакомиться, Елизавета, лучше просто Лиза.

Я осторожно взял протянутую мне тоненькую ладошку и сжал хрупкие пальчики, униженные дорогими кольцами.

– Что вы так удивились? – фыркнула Лиза, отнимая свою руку. – Фамилия Бондаренко может принадлежать как мужчине, так и женщине. Эка невидаль. И потом, когда вы звонили, я четко сказала: «Прораба Евгения Бондаренко нет». В смысле, что он не существует!

– Просто...

– Просто что? – перебила меня Лиза.

Я замялся. Что ответить красавице? Просто вы не слишком похожи на строителя? Нежная белая роза не может расти в цементе и кирпичах? Оранжевому цветку не идет каска? И вообще, Нора, похоже, окончательно сошла с ума. Доверить такое дело, как ремонт огромной квартиры, этой крошке!

Слов нет, девушка хороша собой, похоже, воспитанна, интеллигентна, у нее правильная речь, в кармане, наверное, диплом МГУ или другого престижного вуза, но руководить рабочими должен мужик зверского вида. Ну и дурака свалила Нора! Где она только взяла эту белую прекрасную лилию? Вот уж беда так беда! Наш ремонт не закончится в нужный срок, мне придется долго-долго жить с Никулеттой.

Тут я вспомнил, что маменька у меня теперь, так сказать, в двух экземплярах, и совсем потерял хорошее расположение духа.

– Мы уже начали работать, – зажурчала Лиза, робко улыбаясь, – кухню вывезли. Собственно говоря, ваша помощь не очень и понадобится, я все сделаю сама. Деньги Нора нам заплатила. Вам придется только определиться с кое-какими вещами. Например, с паркетом.

– Паркетом?

– Да. Нора сказала, что по отделке надо обращаться к вам.

– Вы хорошо поняли Элеонору?

– Естественно, – подтвердила Лиза. – Нора сказала: «Пусть Иван Павлович сам по поводу пола, стен и прочего думает, мне однофигиственно». Поэтому готовьтесь, придется поехать по магазинам.

Я кивнул:

– Ладно.

– Отлично. Начнем. Первое – розетки, – с энтузиазмом заявила Лиза.

– Розетки?

– Ну да! Знаете, такие штуки с дырками, куда вставляют штепсель, чтобы электроприборы заработали.

– Ага, и что с ними?

– Вы должны указать, где их делать.

– Ну вы сначала покрасьте стены, а потом и решим, – быстро ответил я, надеясь оттянуть момент начала своего участия в беде под названием «ремонт».

Звонкий смех Лизы взлетел к потолку:

– Иван Павлович, дорогой, розетки ставят в самом начале, до штукатурных работ!

– Да?

– Конечно же. Ведь для прокладки проводки надо стены шпатель.

– Штро... простите, как?

– Штробить, – повторила незнакомый глагол Лиза, – поэтому давайте прямо сейчас решать вопрос с розетками. Вы готовы?

– Ну...

– Тогда пошли, – предложила Лиза. – Надо только этих из кухни выгнать.

– Кого? – окончательно растерялся я.

– Рабочих. У вас живет бригада, – объяснила Лиза. – Не пугайтесь, они все не россияне и будут делать лишь черновую работу: крушить стены, закладывать проемы. На чистовую отделку я приведу классных специалистов. Туркменам поселиться негде, поэтому они временно лагерь разбили у вас. Не беспокойтесь, ни выпивки, ни скандалов, ни конфликтов с участковым или домоуправлением не будет. Ситуация полностью под контролем.

– В кухне пусто, – воспользовался я крошечной паузой в монологе.

Лиза осеклась.

– Туркменов нет?

– Нет.

Девушка нахмурилась и пошла по коридору. Заглянув в то место, где еще недавно наша домработница с энтузиазмом варила скверные супы, Лиза вдруг попросила:

– Иван Павлович, может, пока подумаете о розетках? Допустим, в гостиной. Где вы поместите телевизор, торшер, ну и так далее.

– Попытаюсь, хотя...

– Да, да, – Лиза неожиданно сильно подтолкнула меня к двери, – пораскиньте мозгами, а я пока разберусь кое с кем.

Тоненькие пальчики вынули из крошечной сумочки игрушечного вида розовый мобильник, усеянный блестящими камушками. Я посмотрел на аппарат, который идеально подошел бы для Барби, и, полный самых мрачных предчувствий, вышел в коридор. Ну и ну! Что за муха укусила Нору? Нет слов, девочка очаровательна, с огромной радостью я предложил бы ей сходить в ресторан или театр, но управлять бригадой туркменов!..

– Эй ты, падла рогатая! – долетел из кухни мужской, грубый бас.

Я вздрогнул и замер. Неужели не заметил рабочих? Вдруг они там? Хотя нет, это просто невозможно! Я ведь не клинический идиот. За закрытой дверью абсолютно пустая кубатура,

голые стены и Лиза с розовым, кукольным телефоном. Никаких мужиков в квартире и в помине нет!

Но бас продолжал грохотать:

–! Где бригада? А мне..... Почему не на месте? Всех.....! Завтра не подходит! Сейчас! Через полчаса! Не приедут, пошел на... Думаешь, ты один такой? Ха! Эксклюзив!..... Да вас, как гондонов штопаных.....!

Площадная ругань была по ушам. Но надо отметить, что непонятно откуда взявшийся хам матерился весьма виртуозно. Это было не тупое повторение всем известных слов. Нет, дядька загибал совершенно невероятные коленца и выдавал потрясающие тексты. Я не поклонник ненормативной лексики, но тут буквально заслушался.

– Очень надеюсь, – басил матерщинник, – что у тебя на пятке вырастет... и ты каждый раз в сортире ботинки снимать будешь. Гони туркменов, осел пластилиновый, беги живо и резво, иначе твои лавэ¹ в... уйдут, на плоту из... уплывут, по реке из...

Повисла тишина. Я осторожно приоткрыл дверь. На кухне не было никого, кроме Лизы, сжимавшей в руке розовый, похожий на леденец телефон.

– Ну, – прошептала она, – уже определились?

– А где мужчина? – глупо поинтересовался я.

– Какой? – улыбнулась Лиза. – Вы имеете в виду бригаду? Уж извините, автобус, который работяг вез, сломался. Туркмены прибудут через полчаса. Не волнуйтесь, сегодняшний день им никто оплачивать не собирается. Я еще вычту у бригадира за опоздание! Машина не поехала! Это их проблема!

Нежное сопрано журчало, тонкая рука осторожно поправила прическу, в ушках Лизы посверкивали красивые сережки... Я вдохнул исходящий от прораба запах французских духов и только сейчас понял, в чем дело.

– Это вы ругались? – вырвалось у меня.

Сами понимаете, что задавать подобный вопрос, да еще в такой откровенной форме совершенно неприлично, но уж слишком сильным было мое потрясение.

Нежно-розовое лицо Лизы приобрело иной оттенок – если секунду назад оно походило на персик, то теперь стало смахивать на спелое яблочко.

– Я? Ругалась?!

– Ну... да... только что...

Лиза вновь поправила копну вьющихся волос.

– Иван Павлович, я никогда не выражаюсь.

– Я слышал ваш разговор с бригадиром, – пробормотал я.

– Ах это, – отмахнулась Лиза, – не обращайтесь внимания. Скажите, вы можете договориться с французом?

– Если он владеет русским, то да, – ответил я, не понимая, куда клонит девица.

– А ежели нет? О каком диалоге может идти речь, если его участники не понимают друг друга?

– Увы, в моем образовании есть пробелы, я не обучен иностранным языкам.

– Правильно, – кивнула Лиза, – и со строителями так же. Я не ругаюсь, просто разговариваю на их родном языке. Стану употреблять слова «пожалуйста», «извините», «сделайте одолжение» – работа и с места не сдвинется. Если надумал договориться с лошадей, нет смысла мяукать, как кошка.

¹ Лавэ (сленг уголовной среды) – деньги.

Глава 4

Если вы полагаете, что решить вопрос о расположении розеток можно за десять минут, то жестоко ошибаетесь. Я провозился безумное количество времени, пытаюсь сообразить, где будут стоять телевизор и другие электроприборы. А еще имелись люстры, торшеры, настольные лампы и крохотные трубочки для освещения картин.

Устав, как верблюд, тащивший по пустыне неподъемные мешки с солью, я приехал домой, взял в машине бумажник и пошел к подъезду. Он, естественно, оказался заперт. После перестройки почти во всех московских домах появились железные двери, призванные отвадить пьяниц и любителей использовать темное пространство под лестницей в качестве бесплатного сортира. Поэтому теперь почти у каждого москвича на связке болтается еще и так называемый домофонный ключ. В доме, где живет Николетта, жилыцы имеют пластмассовые «лопаточки», их следует прикладывать широкой частью к специальному углублению в створке. После этого простого действия раздается тихий щелчок, и вы оказываетесь в чистом тамбуре у лифта. Мой ключ хранится в бумажнике, в крохотном отсеке, предназначенном для мелких монет.

Не ожидая никаких неприятностей, я раскрыл кошелек и очень удивился. В нем вместо трехсот долларов и нескольких тысяч российских рублей лежала совсем другая сумма, ключа не нашлось, в кармашке позвякивали рубли, между которыми слиплась парочка конфет без бумажек. Я не ем леденцы и никогда бы не положил их к деньгам. Увы, я очень брезглив и педантично аккуратен.

Черт побери! Это чужой кошелек! Куда подевался мой собственный? Каким образом в моей машине оказался этот бумажник? Нужно признать, что он до безобразия похож на тот, в котором храню ассигнации я.

Истина дошла до меня спустя энное количество минут. Я, садясь в машину, как правило, кладу портмоне в пластиковый лоток, установленный между сиденьем водителя и креслом пассажира. Там же находятся блокнот, ручка, пачка сигарет, зажигалка, упаковка бумажных носовых платков...

Когда Римма возвращала мне деньги, которые я «заплатил» за ее «любовь», она вынула из кармана свой кошелек, а потом бросила его в лоток. Выходя из машины, девушка перепутала бумажники, похоже, мы с ней купили их в одном месте, в палатке у метро. Следовательно, моя «лопаточка» от домофона сейчас у Риммы. Хорошо еще, что ключ от квартиры висит на связке вместе с ключами от автомобиля. Завтра придется ехать на «точку» и искать проститутку.

Тут, на мое счастье, к подъезду подошел один из соседей, прогуливавший своего пса, и я беспрепятственно проник внутрь.

Следующий день я провел крайне бестолково. Около одиннадцати я отправился в книжный магазин и стал бродить между стеллажами, сверяя ассортимент со списком, составленным Норой. Моя хозяйка решила основательно пополнить библиотеку. Естественно, в одной точке не было всего нужного, и мне пришлось методично изучать предложения «Молодой гвардии», потом «Москвы», «Библиоглобуса» и других лавок.

Около шести, изрядно притомившись, я вспомнил о ключе и поехал выручать свой кошелек. В суматошно проведенном дне была лишь одна радость, отчего-то Николетта ни разу мне не позвонила.

Место, где к моей машине подошла Римма, было пусто. Я вышел из «Жигулей» и осмотрелся. По шумному проспекту неслись автомобили. Чуть поодаль, возле входа в метро, клубилась толпа, там на небольшой площади тесно стояли ларьки, торгующие всякой ерундой, а здесь, где сейчас находился я, сидела только одна тетка со странным набором товара. Перед ней возвышался столик, заваленный шоколадками, жвачками, мятными конфетами, презерва-

тивами и сигаретами. У ног торговли громоздились клетчатые торбы, набитые, похоже, бутылками, сбоку, на ящике, лежали упаковки колготок, книги, газеты и батарейки.

Я походил по тротуару, потом приблизился к бабе и спросил:

– Скажите, вы тут постоянно торгуете?

– А чё? – ответила она. – Я разрешение имею. Станешь вязаться или денег требовать, мигом ребят кликну, намнут тебе бока.

– Разве я похож на рэкетира? – изумился я.

– Кто вас разберет, – вздохнула «бизнесменша», – ходють тут всякие, хорошего слова не услышишь. Один отвлекает, другой товар тырит.

– Мне от вас ничего не нужно. Не знаете, где Паша? – спросил я, припомнив, что Римма называла сутенера этим именем.

– Этта хто?

– Молодой человек, который работает здесь с девушками.

– С б...?

– Ну да.

– Нету их, не приехали.

– Они позже появляются?

– Почему? Обычно уже после обеда задищами сверкают, – тяжело вздохнула баба, – я сама в непонятках. Ну куда они подевались? У меня без б... торговля не идет! При них товар хорошо расходуется, то девки колготки порвут, то клиентам ихним чего надо, а сейчас прямо штиль.

– И Паша не появлялся?

– Погоняльщик? Не-а.

– А завтра приедут? – не успокаивался я.

– Кто ж скажет, – дернула плечами торгашка, – передо мной никто не отчитывается. Точку могли сменить.

– На какую? – я не оставлял надежды вернуть свой бумажник.

Поймите правильно, меня волновали не деньги, а потерянный ключ. Не могу же я каждый раз караулить перед подъездом соседей, чтобы войти внутрь! Что за проблема, скажете вы. Надо пойти в ЖЭК и купить новую «лопаточку». Оно верно, только в нашем домоуправлении восседает мерзкая бабища по имени Галина Сергеевна. Отвратительная сплетница и дура. Она, конечно, продаст мне ключ, но тут же позвонит маменьке и доложит:

– Дорогая, объясните Ванечке, что обстановка в городе напряженная, следует быть аккуратным.

Николетта устроит мне истерику, полгода потом будет закатывать глаза и восклицать:

– Ужасно! Я вхожу в подъезд с диким страхом, просто ноги подкашиваются! А все из-за твоей безголовости! Потерял ключ!

Ну и так далее, слова разные, припев один. Поэтому поход в домоуправление – это крайняя мера, применение которой чревато потерей здоровья.

– Чого пристал? – обозлилась баба. – Я им хто? Нихто! За б... не слежу. Ступай себе, ищи девку в другом месте. Сейчас такого счастья навалом.

Пришлось уйти ни с чем.

На следующее утро меня разбудила бодрая трель телефона.

– Алло, – сказал я в трубку.

– Иван Павлович?

– Да.

– Из милиции беспокоят.

Остатки сна мигом с меня слетели.

– Что случилось?

– Заявлениице на вас поступило.

– На меня?

– Именно.

– Быть того не может. Я никогда не нарушаю закон.

– Позавчера парковались возле станции метро «Динамо»? Вечером?

– Было дело.

– Очень хорошо, что признаетесь!

– В чем? Там нет никаких запрещающих знаков.

– Заявление подал Филиппов Сергей Петрович. Он тоже остановился в том же месте, пошел покупать сигареты, а когда приобрел их и двинулся назад, то увидел, как «Жигули» бьют в багажник его машину. Ваш номерок Сергей Петрович записал. Вы решили: раз уехали, то вас не найдут?

– Это просто бред, – возмутился я, – никого я не задевал. Впрочем, случись подобный казус, обязательно бы дождался владельца автомобиля.

– Все так говорят!

– Филиппов ошибся. Кстати! Если я ударил его машину, то на моих «Жигулях» должны остаться следы. Можете осмотреть автомобиль. За короткое время вмятину не исправить!

– Вы подъезжайте к нам, – велел милиционер, – адресок запишите. Комната двенадцать, спросите Романа Андреевича. Всякое случается, может, Филиппов издала цифры или буквы неточно разглядел.

Чертыхаясь, я начал рыться в шкафу. Экая плохая неделя! Сначала потерял ключи, теперь новая неприятность. Есть лишь одна радость: Николетта полностью поглощена общением с вновь обретенной сестрой и начисто забыла о существовании сына.

Не успел я влезть в брюки, как на столе начал вибрировать мобильный.

– Как дела? – весело спросил мой ближайший друг Макс.

– Отвратительно.

– Матушка допекла?

– Она как раз ведет себя тише воды, ни разу меня не дернула.

– Тогда в чем дело? – удивился Макс. – Воюешь с ремонтной бригадой?

Я пошел к выходу, одновременно рассказывая приятелю о своих неприятностях.

– Ты не вибрируй, – попытался утешить меня Макс, – бывает такое, спутал человек, тебя никто не может обязать оплачивать ремонт чужого автомобиля, если...

– Времени жаль, – перебил его я.

– Понимаю, – вздохнул Макс. – Вот что, я тебе часа через полтора позвоню и, если понадобится, подъеду.

– Разберусь сам.

– Комплекс «я сам» дети изживают лет в пять-шесть, – засмеялся Макс, – уж не обессудь, хочу знать, чем дело закончится.

Роман Андреевич оказался молодым круглощеким парнем, похожим на кого угодно, только не на сотрудника правоохранительных органов.

– Пойдемте, глянете на мои «Жигули», – попросил я.

– Сейчас, – кивнул юноша.

Он порылся в ящике стола, выложил на бумаги кошелек и спросил:

– Ваш?

Я обрадовался безмерно.

– Мой. Где нашли? А, понял, я уронил его, наверное, когда разговаривал с сутенером. Хотя, странно, ведь я не выходил из машины, просто опустил стекло!

– Подтверждаете, что портмоне принадлежит вам?

– Конечно.

– Точно?

– Там внутри, в отделении для мелочи, должен лежать ключ от домофона, плоский такой, пластмассовый. Могу назвать и количество ассигнаций, и еще в специальном отделении находятся визитки.

Роман аккуратно раскрыл бумажник.

– Верно. И ключ присутствует, и купюры. Мы вас по этим визиткам и нашли.

– Отдадите мне кошелек?

– Не сейчас.

– А когда?

– После ответа на небольшой вопросик.

– Задавайте скорее, – поторопил я парня, думая, что тот начнет уточнять мои паспортные данные.

Но Роман неожиданно произнес:

– С какой целью вы убили Римму Победоносцеву?

Я невольно вздрогнул:

– Что?

Роман постучал карандашом по столешнице, а потом нахмурился.

– Не стоит врать. Вы признались, что позавчера у метро «Динамо» парковали машину!

– Никакого заявления на меня нет! – внезапно догадался я. – Вы все придумали!

Милиционер задвигал губами.

– Ну... маленькая хитрость, чтоб вы скоренько прибежали.

– Безобразие! – вскипел я.

– Вы некоторое время вели беседу с одной проституткой, – никак не реагируя на мои слова, продолжал Роман, – она вам по какой-то причине не понравилась.

– Я не пользуюсь услугами жриц любви!

– ...потом в вашу машину села Римма Победоносцева. Павел Кротков получил от вас деньги...

– Все было не так!

– А как?

– Она мне сама собиралась заплатить сто долларов... – начал было я, но Роман неожиданно захохотал.

– Ничего смешного в создавшейся ситуации нет, – обозлился я.

– Отнюдь, – слегка успокоившись, ответил юноша, – чего только от людей не слышу! Но такое! Проститутка, которая решила купить клиента? Ну вообще!

– Вы же не дослушали!

– Иван Павлович, – начал вкрадчиво Роман, – чистосердечное признание уменьшает вину. Вы человек, похоже, интеллигентный, симпатичный, поэтому я готов пойти вам навстречу. Давайте оформим явку с повинной, поверьте, это сильно облегчит вашу участь. Улик, увы, полно. То, что Римма садилась именно в ваш автомобиль, видел Павел Кротков. Еще вас легко опознает Лена Фенина.

– А это кто?!

– Проститутка, которая вам вначале не понравилась, та самая, что первой подошла к вашей машине.

– Чушь!

– Хотите убедить меня в том, что не подъезжали позавчера к метро «Динамо»?

– Я там был.

– И не видели Римму Победоносцеву?

– Видел.

– В машину ее сажали?

– Да.

Роман хлопнул ладонью по папке, лежавшей на столе.

– Вот и отлично. Правильное решение. Давайте по-быстрому оформим протокол. Ну, всякие данные потом, сначала ответьте: с какой целью вы убили гражданку Победоносцеву?

– Я ее и пальцем не тронул!!!

Милиционер сжал губы в нитку, потом, укоризненно покачав головой, сказал:

– На кону мочало, начинай сначала! Знаете, где нашли ваш бумажник? В непосредственной близости от трупа, в квартире сто один в доме семь по улице...

– И как вы установили, что кошелек мой? – закричал я. – Таких изделий полно! В любом магазине лежат! Все словно близнецы!

Роман моргнул:

– Ну, Иван Павлович! Ей-богу, так нельзя! Сами же только что воскликнули, бросив взгляд на бумажник: он мой! Или забыли! Там внутри лежит ваша визитная карточка, и, вообще, доказать его принадлежность господину Подушкину крайне легко. Давайте не станем скатываться на такой уровень взаимоотношений! Ведь уже решили: оформляем явку с повинной. Если вы сейчас честно расскажете суть дела, обещаю стопроцентно – задерживать не станем. Оформим подписку о невыезде, и идите домой. Станете активно помогать следствию, отделаетесь чистой ерундой... Знаю я этих... сама небось виновата! Прошмандовки они!

В этот момент мой мобильный отчаянно затрезвонил. Я схватил телефон, услышал родной голос Макса и воскликнул:

– Скорей приезжай сюда, кабинет двенадцать, Роман Андреевич.

– Уже несусь, – ответил Макс.

Я сунул сотовый в карман. Роман, нахмурившись, смотрел в сторону, потом скривился и ледяным тоном произнес:

– Ишь, подготовился! Адвоката вызвал! Только не поможет тебе ничего, хоть всю коллегию сюда пригласи. Не хотел по-хорошему, будет по-плохому!

– Можете оскорблять меня сколько угодно, но до приезда Максима Воронова я не произнесу ни слова, – твердо сказал я.

Глава 5

Из отделения Макс забрал меня часа через три.

– Поехали пожрем, – предложил он. – Где твоя машина?

Я молча пошел к «Жигулям», сел за руль, завел мотор и покатил в сторону центра. Макс, устроившись на переднем сиденье, велел:

– А ну рассказывай!

Стараясь не путаться в деталях, я подробно изложил цепь событий.

– Угу, – закивал Макс, – вообще-то, жуткая глупость.

– Объясни, бога ради, что стряслось, – взмолился я.

– Позавчера, довольно поздно поступил звонок в отделение милиции, – начал Макс, – некая Регина Андреевна Коловоротова сообщила, что ее соседей ограбили. В сто первой квартире прописана семья журналиста Семена Приходько, сейчас он с женой и дочерью находится в Латинской Америке. Живут они там несколько лет, квартира поставлена на охрану, над дверью постоянно горит красная лампочка. Ольга Приходько оставила Регине ключи. Ну так, на всякий случай, вдруг кран потечет или, не дай бог, пожар случится. Регина живет в сотой квартире и давно дружит с Ольгой, они знакомы много лет. Коловоротова исправно ходила к Приходько, предварительно позвонив на пульт охраны. Ее голос очень хорошо знают дежурные. Регина проветривала комнаты, проверяла, не подтекает ли газ, не капает ли где вода, и уходила, не забывая включить сигнализацию. Вчера вечером, вернувшись домой из театра, она обнаружила, что не светится лампочка.

Регина насторожилась, подергала дверь Приходько, обнаружила, что та открыта, и поступила очень разумно. Внутрь она входить не стала, вор мог находиться в квартире, Регина тихо пошла к себе и вызвала милицию.

Прибывшие оперативники осмотрели комнаты и обнаружили на полу в ванной тело девушки. Несчастную убили ножом с очень длинным и тонким лезвием, ударили в спину, попали прямо в сердце. Около трупаваялась раскрытая сумочка, содержимое ее разлетелось по плитке. Пудреница, губная помада, несколько упаковок с презервативами, зубная щетка, портмоне, мобильный... Сотовый безостановочно звонил, на дисплее высвечивался номер. Определить его хозяина было делом пяти минут, и очень скоро сутенер Павел отвечал на вопросы Романа.

Да, убитую он хорошо знает. Это массажистка Римма Победоносцева.

– Кто? – перебил я Макса. – Массажистка? Не смей меня! Девушка – проститутка!

Макс прищурился:

– А вот и нет. Салон «Яблочко» – медицинское заведение, специализирующееся на массаже. Остеохондроз, боли в пояснице, в шее, в суставах... Да мало ли какие хворобы можно лечить посредством разминания мышц. Павел работает заведующим регистратурой, оформляет карточки больным.

– Чушь собачья! – заорал я. – Да он прыгал на дороге с б...!

– Ваня! – воскликнул Макс. – Ты материшься! Ну и ну!

– Это не мат, а четкое определение девок, торгующих своим телом. А Роман не додумался спросить у Павла, с какой стати тот выставил «массажисток» у обочины?

Макс засмеялся:

– Додумался. Никогда не догадаешься, что сутенер ответил!

Мне стало интересно:

– Просвети меня.

– Салону «Яблочко» требуются новые клиенты, вот Павел вместе с парой сотрудниц и решил провести рекламную акцию. Поставили у шоссе «раскладушку» с надписью «Массаж для всех» и стали поджидать страждущих.

– Он врет!

– Конечно. Только, если верить документам, Павел чист как слеза. Девицы все имеют регистрацию. Салон открыт на законных основаниях, а то, что среди клиентов одни мужики, никого не волнует. Павлу и его хозяину претензии предъявить трудно, разве только за незаконное размещение рекламы. А вот твое положение намного сложнее. Павел заявил, что Римма уехала с клиентом.

– Массажистка! Села в машину к дядьке и отправилась с ним! Куда?

– Ну, Павел сказал, что у него, кроме основного здания, есть и филиал. Победоносцева повезла туда мужчину, потом перезвонила и сообщила: «Ему совсем плохо, скрючило всего, придется прямо в машине помощь оказать».

– Кретинство! Этот Роман дебил, если поверил сутенеру.

– Роман нормальный, – сердито отозвался Макс, – и с Павлом он разберется. Ты сейчас не о других думай, а о себе. Кошелек у девицы твой нашли?

– Да. Но ведь я объяснил, как обстояло дело.

– Понятно, а теперь посмотри на ситуацию отстраненно. Эта Римма в твою машину садилась?

– Да!

– Кошелек твой?

– Да!!!

– Еще бабки, сидевшие на лавочке, сообщили: «Видели, видели. Вылезли вместе и пошли в дом».

– Этого не было. Я «Жигули» не покидал. Они врут.

– Врет, как свидетель – это о таких сказано, – вздохнул Макс. – Ваня, я тебя еле отбил.

– И что теперь делать прикажешь?

– Пока сиди тихо. На допросы не ходи, но води себя по-умному. Роман скоро пришлет тебе повестку или позвонит, ты очень вежливо ответишь: «Готов явиться, но, увы, гипертония замучила, давление за двести прыгнуло. Здоровье прийти к вам не позволяет». Ясно? Справку я тебе достану.

– Не могу же я всю жизнь недужным прикидываться!

– Естественно, нет.

– Тогда как быть?

– Пока не активничай, – велел Макс, – а дальше посмотрим!

– Но ремонт!

– Лучше не высывайся из дома.

– Нора будет недовольна.

– Ерунда.

– Николетта и Мэри сведут меня с ума...

– Ваня! Ты не соображаешь, во что влип, – рявкнул Макс. – Что-то мне есть расхотелось, жарко очень.

– И у меня аппетита нет, – признался я.

– Тогда я вот здесь вылезу, тормози, – приказал Макс.

Я покорно припарковал автомобиль и только тут догадался спросить:

– А с твоей тачкой что случилось?

– Умерла, – отмахнулся Макс, – реанимация не поможет.

– Вот жалость.

– Да уж, – ухмыльнулся приятель, – я не готов к столь масштабным потерям. Лишиться и авто, и лучшего друга практически в один день. Сиди дома!

– И долго мне таиться?

– Не знаю.

– Месяц?

– Может быть.

– Два?

– Вполне вероятно.

– Три?

– Не исключаю и такого поворота событий. Ладно, скоро созвонимся. Не дрейфь, держи нос крючком, а хвост торчком, прорвемся, ребята, штыком и гранатой!

Высказавшись, Макс бодрым шагом направился к метро, потом обернулся, помахал рукой и исчез в толпе. Я остался один и сразу услышал трель мобильного.

– Иван Павлович, – зачирикала Лиза, – нам надо обсудить сантехнику, можете на стройдвор подъехать? Я нашла ванну, очень хорошую.

– Берите.

– Без вас никак. Жду.

– Увы, не могу.

– Да? А когда можете?

Я вспомнил слова Макса и брякнул:

– Месяца через три.

– Не поняла, – воскликнула Лиза, – вы шутите, да? Через девяносто дней Элеонора вернется. Ладно, посмеялись, и хватит, жду вас на «Войковской». Ванна в единичном экземпляре, продается со скидкой, поторопитесь, пожалуйста.

– Увы, не могу.

– Ладно, – протянула Лиза, – перезвоню через час. Пойду договорюсь, чтобы сантехнику пока придержали.

В ухо полетели гудки. Я положил было мобильный в карман, но он снова возмущенно затрещивал. На этот раз с той стороны провода оказалась Николетта.

– Ты где? – забыв поздороваться, завопила маменька.

– На работе, – уклончиво ответил я.

– Когда вернешься?

– Пока не могу ответить.

– Раньше шести?

– Вполне вероятно, а что?

– Сделай одолжение, – процедила Николетта, – оторвись от увлекательного занятия созерцания унитазов и раковин! Вспомни о том, что к тебе приехала родная тетя! В конце концов, Нора сейчас нет, отчитываться не перед кем. Прояви внимание к матери и ее сестре. Отвези нас погулять в сад Эрмитаж! Там вечером концерт.

Я притих. Макс приказал сидеть дома. Его нужно слушаться, потому что я оказался в незавидном положении. Но каким же образом мне выполнить приказ друга? С одной стороны, меня атакует Лиза, и правильно делает. Дни бегут, словно гончие собаки, сорвавшиеся с поводков, оглянуться не успеешь, как три месяца промелькнут молнией и вернется Нора. Представляю, какую головомойку устроит она мне, когда увидит разоренную квартиру.

С другой стороны, если я все же попытаюсь последовать совету Макса и запрусь в спальне, мне предстоят баталии с Николеттой. Маменька, обнаружив сына дома, моментально потребует возить ее и Мэри по разным местам, заставит шлаться с ними по магазинам, сопровождать их на вечеринки и на концерты. И никакие заявления о тяжелой болезни, справки, охи и ахи не помогут. С Николеттой спорить бесполезно.

Да уж, положение хуже губернаторского, со всех сторон обложили. Не поеду с Лизой – получу от Норы, останусь дома – паду жертвой в сражении с Николеттой и Мэри. Буду по-прежнему вести активный образ жизни – могу попасть в поле зрения милиции. Роман настроился во что бы то ни стало доказать мою вину, с него станется устроить слежку за Иваном Павловичем. Я вооружусь справкой, сообщу о тяжелой болезни, выйду на улицу – и цап-царап, проследуйте, гражданин Подушкин, в кутузку, вы не настолько недужны.

– Ну так ты приедешь в шесть? – заорала Николетта.

– Нет, – ляпнул я, – возьмите такси.

Сейчас маменька начнет громко возмущаться: «Фу! В такси воняет бензином, там некомфортно, от водителя несет дешевым одеколоном». Но неожиданно она легко согласилась:

– Ладно.

Я перевел дух. Ну и ну! Может, Николетта заболела? С чего это она столь любезна и почти дружелюбна? Но теперь, ясное дело, мне домой ехать никак нельзя.

Мобильный вновь задергался, я посмотрел на ни в чем не повинный кусок пластмассы с раздражением. Может, выбросить его вон? Но разве подобный жест – решение проблемы? Кому я понадобился на этот раз?

– Ванечка Павлович, – запела Лиза, – ванночка ждет! Такая пусенька-дусенька, любодорого поглядеть. Ну, зайчик мой, подгребайте на стройдвор, котенок, медвежонок, тигренок. Дела всего на десять минут.

Я вздохнул:

– Уже бегу со всех колес.

– Вот и умничка! – воскликнула Лиза, отсоединяясь.

На этот раз на прорабе был нежно-розовый комбинезон из полупрозрачной ткани. Под ним зазывно просвечивали черный бюстгальтер и трусики.

– Пошли, – ухватила меня крепкой рукой Лиза. – Вы способны забраться на пятый этаж?

– На лифте?

– Пешком.

– Тут нет подъемника?

– Он не работает, ну же, котик, поскакали.

Грациозно перебирая стройными ногами в туфлях на головокружительных каблуках, Лиза рысью полетела по ступенькам. Я постарался не отстать от нее. Куда там! Через пять секунд у меня закололо в боку, колени перестали сгибаться, а лодыжку свело судорогой. Дыша со свистом, я остановился на площадке между пролетами. На стене чернела намалеванная краской цифра 2.

– Ванечка Павлович, – спросила Лиза, спускаясь вниз, – что вы тут поделяваете? Я поднялась на пятый, гляжу, вас нет! Что случилось?

Я мрачно посмотрел в ее безмятежное лицо. Похоже, Лиза даже не вспотела, и дышит ровно, словно не носилась вверх-вниз.

– Почему стоите? – недоумевала она.

Сказать молодой женщине правду? Признаться в собственной слабости? Сообщить, что Ванечка Павлович превратился в старый трухлявый пенек, не способный к минимальной физической нагрузке? Не знаю, как остальные, но я не способен на подобный поступок.

– Да вот, – вытянул я ногу, – штилеты новые купил и мозоль, наверное, натер.

– Хорошие туфли, – одобрила Лиза. – Баксов триста?

– Верно.

– И набили мозоль?

– Ну, всякое случается, – промямлил я.

Однако Лиза ушлая девица, похоже, она разбирается не только в ваннах, вон как быстро определила стоимость мокасин.

– Ладушки, вы потихонечку, топ-топ, – посоветовала прораб и вновь поскакала, аки газель, по лестнице.

Я тихо поплелся следом. Знаете, пока я добирался до нужного этажа, неугомонная девушка носилась взад-вперед по ступенькам. Она взлетала вверх, потом спускалась ко мне и, протараторив: «Ну как? Ножка сильно болит? Ах, бедняжка, идите остороженько», снова, перескакивая через две ступеньки, исчезала из поля зрения.

Лет двадцать тому назад один мой приятель, Миша Кондаков, праздновал свой день рождения на даче. Погода стояла превосходная, мы решили искупаться и отправились на речку. У Мишки жил карликовый пудель, молодой, задорный, юркий пес. Так вот, пока компания плелась, проклиная жаркое солнце и отсутствие тени, к воде, собака носилась как бешеная. Она успела десять раз домчаться до реки и вернуться к нам, ее черное лохматое тело, вытянувшись ниткой, летело над ярко-зеленым лугом, длинные уши развевались в воздухе. Подскакивая в очередной раз к нам, псинка коротко лаяла и бешено работала хвостом. Ее темные глаза с укором глядели на хозяина и его никчемных приятелей. В какой-то момент мне показалось, что я читаю мысли пуделька: «Ну вы и даете! Тащитесь еле-еле, я уже сколько раз на берегу побывал!»

Лиза сейчас напомнила мне ту собачку, небось тоже недовольна, но виду не подает, потому что клиент, даже если он старый трухлявый гриб, всегда прав.

Наконец я оказался в зале, забитом сантехникой. Лиза подскочила к одной ванне и постучала по ней кулачком.

– Чугунина, – сказала она, – ясно?

На всякий случай я кивнул.

– Надеюсь, вы не хотели акрил? – продолжала девица.

Я, совершенно не понимая, о чем идет речь, сделал умное лицо и быстро сказал:

– Нет, конечно.

– Борта видите?

– Ну...

– Класс, да?

– О да, да!

– Нравится?

– Чрезвычайно.

– Краны какие будем брать?

– Круглые, – ляпнул я.

Лиза вскинула брови.

– Стоячие?

– Э...

– Или смеситель?

– Ну...

– Из стены?

– О...

– Можно прямо из чаши сделать.

– Да... хорошо.

– А душ?

– Обязательно.

– Тропический дождь, игольчатый, водопад, нежная пыль или вообще лофт?

Я заморгал:

– Этот, как его... весь такой... хороший, со струей... чтобы сразу мокрым стать.

– Ясно, – протянула Лизавета, – аквафит хотите?

Следовало задать резонный вопрос: а это что еще за птица? Но мне страшно не хотелось выглядеть глупее Лизы.

– Можно и аквафит, – кивнул я.

– Но тогда душ будет кополло!

Час от часу не легче.

– Кополло так кополло!

– Зато к нему аэросиг бесплатно дают! – возбужденно воскликнула Лиза. – Правда, установка в стоимость не входит. Но мы сами его приклепаем. Я умею, делала на днях в коттедже у людей. Аэросиг – это класс, но к нему еще пунт нужен. Согласны?

– Конечно, – ощущая себя полнейшим кретином, кивнул я.

– Вот и аюшки, – подпрыгнула Лиза, – говорила же – быстро решим проблему. Теперь раковина, сюда, Ванечка Павлович, ага, стойте. Ножка не болит? Отлично. Смотрите. Супер-Мойдодыр. Во. С пультом управления. Он, кстати, действует на расстоянии полкилометра от умывальника.

– Пульт?

– Да. Правда здорово? Торопитесь домой, прямо в подъезде нажимаете кнопочку, вбегаете в квартиру, а раковина вас уже ждет, подсветка включена, водичка течет. А еще цветомузыка!

– Цветомузыка? Зачем?

– Просто стебно! Представляете, вошли, умываетесь, расслабляетесь, а вам любимую мелодию играют, фонариками светят. Сейчас продемонстрирую!

Быстрее лани Лиза метнулась в глубь зала, заставленного шеренгами сантехнических хреновин. Я уставился на помесь раковины с комодом. Интересно, существуют ли на свете люди, покупающие эту модель?

Внезапно чья-то рука опустилась мне на плечо, и грубый хриплый голос произнес:

– Слышь, парень, пройдем быстро!

Я обернулся и мгновенно почувствовал, как много-много ледяных, мелких лап забегало по спине. Прямо передо мной стоял милиционер в полной форме.

– Я никого не убивал, – вырвалось из груди.

Сержант вытаращил глаза.

– Ты больной?

– Нет! То есть да! Очень давление высокое, гипертония в жуткой стадии, меня нельзя арестовывать, это бесчеловечно. И вообще, я даже пальцем не тронул Римму.

Милиционер крикнул:

– Тут нет еще какого-нибудь продавца? Нормального? Вон ту раковину купить хочу. Если ты один, тогда пройдем со мной, чек выпишешь, – рявкнул мент.

Ноги подломились в коленях, я плюхнулся на стоящий рядом унитаз и оценил идиотизм ситуации. Никто не собирался меня арестовывать, просто мент удрал с работы, чтобы сделать необходимые покупки.

– Извините, но я не продавец.

– А, ясно, – протянул сержант. – Ну и народ, одни психи.

Бормоча что-то себе под нос, он ушел, я остался сидеть на унитазе. Внезапно в душе появилась решимость. Нечего трястись и прятать голову в песок. Дома сидеть не получится, а вздрагивать при виде любого мужика в форме невозможно. Остается одно...

– Ля-ля-ля, – загремело сбоку.

Я вскочил на ноги. Раковина засветилась, заморгала, запела...

– Классно? – заорала Лиза, появляясь в зоне видимости и размахивая пультом. – Берем? Чего нам бояться! Сами все сделаем, установим...

– Да, – машинально ответил я.

Чего нам бояться? Сам все сделаю, найду убийцу Риммы, установлю истину, защищу свое доброе имя. Я не могу жить, трясясь, как кролик.

Глава 6

Домой я заявился поздно, Николетты и Мэри еще не было, а домработница Тася уже видела третий сон. Быстро приняв душ, я шмыгнул в свою спальню, на всякий случай запер дверь изнутри, взял блокнот, ручку и опустился в кресло. Итак, с чего начать? Кто может пролить свет на тайну гибели Риммы? Кто, кто! Да Регина Андреевна Коловоротова, та, что вызвала милицию. Отчего мне в голову пришла сия мысль? Извольте, объясню, все очень просто. Семья Приходько живет за границей, их апартаменты на охране, Регина регулярно ходит проверять обстановку. Пока ничего необычного. А теперь внимание! Почему Коловоротова вдруг подняла тревогу? Лампочка не горела! У Норы жилье тоже на сигнализации, и я очень хорошо знаю, когда огонек перестает мерцать. Происходит это лишь в двух случаях. Первый – вы сняли квартиру с охраны. Второй – дверь открылась без вашего звонка. Собственно говоря, второй случай и есть знак тревоги для вневедомственной охраны. Уж не знаю, чего у них там происходит: ревет сирена, орет гудок, трещит звонок, но, как только дежурный видит: цепь разомкнулась, а хозяин не спешит позвонить и сообщить пароль, по нужному адресу немедленно высылаются машина с вооруженными парнями. Но в день убийства Риммы пульт никак не отреагировал на вход в жилище чужого человека. Вопрос: почему? Ответ: вор знал пароль и имел ключи. Но Приходько нет в столице, следовательно, это Регина впустила Римму или ее негодяя мужа. А может, Коловоротова сообщила пароль своему знакомому? Зачем? Кому? Надо срочно поговорить с Региной. Как хорошо, что Роман не словил мышей и забыл задать себе вопрос про неприехавшую вневедомственную охрану!

Регина Андреевна оказалась женщиной неопределенных лет, похожей на кошку. На круглом лице дамы сидела приветливая улыбка, крупные глаза лучились добротой, не хватало только треугольных мохнатых ушек, торчащих на голове, и длинного хвоста.

– Я уже все рассказала в милиции, – недоуменно воскликнула Коловоротова, бросив беглый взгляд на показанное ей удостоверение, – причем то ли три, то ли четыре раза. Очень неприятный ваш сотрудник оказался. Только повествование закончу, а он опять просит: «Давайте сначала», просто измучил.

Я убрал в карман бордовую книжечку. Детективное агентство «Ниро» открыто с соблюдением всех формальностей, Нора платит налоги и спит спокойно. «Ксива» у меня самая настоящая, выглядит она стандартно: фотография, круглая печать, фамилия, имя, отчество. Люди, которые видят удостоверение, в девяноста случаях из ста считают меня сотрудником милиции, мало кто читает под личными данными строчку: «Частное детективное агентство „Ниро“». Регина Андреевна не стала исключением. Обычно я сразу указываю людям на их ошибку, но сейчас промолчал.

– Ну сколько можно об одном и том же толковать, – бубнила Коловоротова.

– Уж извините, – развел я руками, – Роман Андреевич и впрямь не слишком сообразителен, забыл задать вам пару вопросов. Уделите мне несколько минут?!

– Что делать, входите, – разрешила Коловоротова, – только, извините, у меня не убрано, я недавно встала и не ждала гостей в столь ранний час.

– Если опаздываете, могу подвезти на службу, – предложил я, – по дороге поговорим.

Регина Андреевна покачала головой:

– Увы, здоровье не позволяет мне работать, инвалидность имею, давлением маюсь, гипертонией господь наградил, тяжело, конечно, материально. О пенсионерах никто не думает, дает нам государство копейки, разве это справедливо? Депутаты миллионы на сигареты тратят, а простым людям хлебушка не на что купить.

Я молча шел за хозяйкой по коридору, устланному дорогим ковром. Продолжая безостановочно жаловаться на ужасные условия жизни, Регина провела меня в уютную гостиную. Не похоже, что дама умирает от голода. Тяжелая хрустальная люстра свисала с потолка, роскошная кожаная мебель стояла у стен, здесь же сверкал дорогой посудой сервант, а на журнальном столике со стеклянной столешницей громоздились ваза, полная роз, и коробка шоколадных конфет производства Швейцарии. Я пару раз покупал это лакомство по требованию Николетты и знаю, что оно стоит неприлично большую сумму.

– Можете курить, – радушно предложила Регина, пододвигая ко мне тяжелую пепельницу.

– Спасибо, – кивнул я. – Давайте еще раз вспомним то неприятное событие...

Регина вздохнула и принялась рассказывать. Ничего нового она не сообщила, я сочувственно кивал головой и, когда она замолчала, спросил:

– Сколько же сейчас вневедомственная охрана за ложный выезд берет? У меня квартира тоже на сигнализации стоит, год назад я заявился домой и забыл им сообщить. Через десять минут патруль примчался. Мне невнимательность тогда в тридцать рублей обошлась. В вашем районе такие же расценки?

– Понятия не имею, – улыбнулась Коловоротова, – я очень аккуратна. Вхожу – снимаю с охраны, ухожу – ставлю. Ни разу не забыла.

– Наверное, они вам сейчас вызов не засчитают, – кивнул я.

– Какой? Никто не приезжал.

– Да ну? Вообще странно, отчего вы, а не патруль обнаружили труп. Разве в день убийства девушки группа захвата не прибывала?

– Нет, конечно. С какой стати? – удивилась Регина.

– Вы в тот день не ходили к Приходько?

– Утром нет, глянула, лампочка горит, и отправилась по делам.

– А вечером огонек погас, и вы, испугавшись, вызвали милицию?

– Ну да!

Я широко улыбнулся:

– Почему не позвонили на пульт? Лампочка же их забота?

– И... не знаю... в квартире были воры! Я сразу поняла.

– Да?

– Конечно! Вскрыли замок, вошли, вот лампочка и погасла.

– Регина, – я погасил улыбку, – прекратите врать!

Коловоротова вытаращила глаза.

– Как вы со мной разговариваете! – с негодованием воскликнула она. – Сейчас пожалуйюсь куда следует.

– Прекрасно, – кивнул я, – хоть самому господу богу и президенту. Ну-ка подумайте сами. Патруль не приезжал?

– Нет!!!

– А лампочка не горела?

– Да!

– Регина Андреевна! О чем это говорит?

– О боже! О ворах у Приходько!

– Еще и о том, что кто-то, знавший пароль, отключил сигнализацию, вот почему на пульте, даже не вздрогнув, сняли наблюдение.

Регина замерла. Я же решил добить тетку и начал лихо врать:

– Мы провели экспертизу и узнали, что замок был открыт не отмычкой, а родным ключом.

Коловоротова стала сереть, ее руки сцепились в кулаки, костяшки пальцев побелели.

– Знаете, как на самом деле разворачивались события? – поинтересовался я. – Могу реконструировать их! Вечером вы вошли в квартиру Приходько, чтобы встретиться с Риммой Победоносцевой. Вы задумали убить девушку и свалить вину на несуществующих грабителей. Глупая затея, но я сейчас не обсуждаю ее. Нанеся удар в спину проститутке, гражданка Коловоротова ушла к себе, а потом...

– Нет! – закричала в полнейшем ужасе Регина. – Не так дело было!

– А как? – мгновенно спросил я.

Регина еще сильнее стиснула пальцы:

– Ужасно! Это бедность виновата. Поймите, я никогда бы не решилась, но совсем обнищала! Оле хорошо, она за спиной у Сени живет, а мне кто копеечку даст?

Речь дамы стала бессвязной, глаза лихорадочно заблестели, губы затряслись, потом она внезапно уронила голову на грудь и визгливо зарыдала.

Я встал и отправился искать кухню, чтобы добыть стакан воды и валокордин. Очень надеюсь, что лекарство хранится в холодильнике.

В холодильнике у госпожи Коловоротовой обнаружился дивный набор продуктов: баночка черной икры, французский сыр, спаржа, сырокопченая колбаса, экзотические фрукты вкупе с немецкими йогуртами и слабосоленой семгой. Навряд ли Регине Андреевне грозила смерть от голода, скорей уж у нее заболит поджелудочная железа от неумеренного употребления деликатесов. Мне всегда казалось, что после сорока лет человеку следует питаться попроще, особо не увлекаясь жирной, калорийной пищей.

Прихватив необходимое, я вернулся в гостиную, протянул хныкающей Регине стакан и велел:

– Выпейте, успокойтесь, а потом попытайтесь спокойно объяснить ситуацию.

Дама, наверное решив, что спектакль под названием «Оскорбленная невинность» у меня успеха иметь не будет, приступила к связному изложению событий. Некрасивая история постоянно прерывалась стонами и жалобами на тяжелую долю инвалида, вынужденного существовать на грошовую подачку от государства.

Регина и Оля познакомились в детстве, они жили в соседних квартирах, потом вместе учились и одновременно пришли на работу в школу. Первая преподавала английский язык, вторая математику. Непонятно почему две столь разные девушки сблизились. Регина не задумывалась о семье, ей хотелось нагуляться вволю. А Оля мечтала о браке, детях и кастрюлях. Но в одном подруги сходились: обоим страшно не хотелось вдавливать знания в детские головы. В педагогический вуз они подали документы, провалившись на вступительных экзаменах в МГУ, и вот теперь вынуждены были отрабатывать два тоскливых года, стоя у доски. Регина, ненавидя учеников, засыпала их двойками, задавала несметное количество упражнений на дом и с удовольствием говорила гадости родителям.

Оля же поступала наоборот, она щедро ставила пятерки с четверками, лишь бы ее не трогали матери двоечников. Потом математичка вышла замуж за Семена Приходько, а Регина продолжала гулять. Встречались по-прежнему часто, потому что продолжали жить с родителями. Регине активно не нравился муж подруги, но, в конце концов, это был не ее супруг, и девушка, делая над собой определенное усилие, мило общалась с Приходько. Отношения были дружеские, ходили друг к другу в халатах.

Потом случился очень тяжелый год, когда у девушек разом умерли родители. Впрочем, Оля испытывала только моральные страдания, Семен давно ворочал собственным бизнесом и содержал жену. А вот Регине стало очень тяжело материально. Зарплаты едва хватало на оплату огромной, оставшейся после папы-генерала квартиры. Оля старательно помогала подруге детства, чувствуя по непонятной причине вину перед ней. Но потом Семен решил отправиться за рубеж. Приходько уехали, поручив Регине приглядывать за своими апартаментами.

Вот когда Коловоротова поняла, что такое бедность. Раньше она не задумывалась о покупке еды и тряпок для себя. Сначала холодильник и гардероб пополняла мама, потом можно было спокойно пообедать у Оли, взять у нее кофточку, юбку. Но сейчас Регина осталась одна. И лишь теперь ей, взрослой женщине, пришла в голову мысль: на что жить? Выйти замуж? Сесть на шею супругу? Но любой мужчина потребует от жены исполнения хозяйственных обязанностей. Придется варить суп, гладить рубашки. Лучше всего познакомиться с холостым олигархом, но такие личности на пути Регины не попадались. Еще можно было зарабатывать частными уроками, как делают тысячи преподавателей. Но подобный ужасный вариант Регина даже не рассматривала, потому что ей в голову пришла гениальная идея, как, совершенно не напрягаясь, можно огрести немалые денежки.

Вы уже, наверное, догадались, о чем речь? Коловоротова стала сдавать квартиру Приходько. Естественно, ни Олю, ни Семена она в известность не поставила, друзья-соседи пребывали в блаженном неведении.

Действовала Регина хитро. Зная, что у подъезда постоянно дежурит «патруль» из наблюдательных старушек, она распустила слух о том, что занимается с учениками на дому, обучает языку взрослых людей, тех, кому предстоит ехать за границу. На самом деле Коловоротова предоставляла жилплощадь богатым чиновным людям, которые, боясь папарацци, скандалов и неприятностей, не отваживались снимать номера в гостиницах для любовных свиданий.

Круг клиентов был узок, платили они более чем хорошо, и Регина воспрянула духом. Она наняла домработницу, которая убирала квартиру Приходько, и зажила в свое удовольствие.

Ольга посещала Москву раз в году. Естественно, на эту неделю дом свиданий прикрывался. Приходько ничего не заподозрила. Более того, она, оглядывая чисто убранную квартиру, укоряла Регину:

– Это уже слишком! Ты и окна протерла, и занавески постирала, и ковры вычистила. Ей-богу, не стоит так ломаться, проветрила комнаты, и ладно.

– Мне же не трудно, – скромно опускала глаза dolu подруга, – ерунда, не о чем говорить!

Оля заваливала Регину подарками, использовала любой случай, чтобы прислать той косметику, одежду, парфюмерию. И в каждый свой приезд в столицу обязательно привозила огромный кофр, набитый «сувенирчиками» для Регины.

Сами понимаете, что жизнь госпожи Коловоротовой текла без особых потрясений, но потом случилась огромная неприятность.

Примерно неделю назад ей позвонил старинный и самый лучший клиент, банкир Владилен Бурмистров, и попросил:

– Регина, душечка, выручи меня.

– С радостью, – воскликнула Коловоротова, – записываю. На какое число, во сколько?

Бурмистров быстро сообщил всю информацию и добавил:

– Только не я приду.

– А кто? – изумилась Регина.

Владилен пользовался квартирой Приходько несколько лет, приходил часто, всегда с новыми девушками. Его спутницы выглядели до смешного одинаково: длинноногие блондиночки в коротких юбках. Но Регине было наплевать на моральный облик Бурмистрова, Владилен платил, не торгуясь, вел себя прилично, и после его визитов на столе оставалась куча нетронутых деликатесов, нераспечатанные коробки конфет, неоткупоренные бутылки с дорогим коньяком и вином, элитный чай, кофе. Собственно говоря, Регина могла и не ходить в супермаркет, продуктов, брошенных банкиром, хватило бы среднестатистической российской семье на неделю.

– Есть у меня один приятель, – уклончиво ответил Владилен, – хороший мужик, спокойно его рекомендую, ему квартира требуется одноразово.

Регина вздохнула. Она никогда не пускала в апартаменты Приходько случайных людей. Коловоротова правильно полагала, что от постоянных съемщиков меньше проблем. Но отказать Бурмистрову было невозможно, он ее лучший клиент, негоже обижать такого.

– Хорошо, – ответила она, – пусть приезжает.

– Его Гриша зовут, – повеселел Владилен.

В урочный час раздался звонок в дверь. Регина открыла и увидела крепко сбитого парня, одетого в джинсы и рубашку с длинными рукавами. Волосы его были спрятаны под большой бейсболкой, козырек прикрывал лицо. Впрочем, разглядеть протезе Владилена было бы трудно и без нависающей кепки. На носу у гостя сидели огромные черные очки, а подбородок и щеки закрывала густая борода.

– Я Гриша, – хрипло сказал он, – от Бурмистрова.

Регина кивнула и принялась привычно действовать. Вошла в квартиру, сняла ее с пульта. Затем, показав, где лежит постельное белье и полотенца, спокойно спросила:

– Когда уходить планируете?

– Часа через три-четыре, – ответил гость и протянул ей конверт, – пересчитайте.

Регина перебрала приятно шуршащие бумажки.

– Здесь больше, чем надо, – сказала она.

– Вдруг мы задержимся, – пояснил Гриша, – не хочу вас обманывать. Может, еще когда-нибудь об услуге попросить придется.

Регина кивнула:

– Хорошо, как управитесь, позвоните, я дверь за вами запру.

На том и порешили. Мужчина остался в квартире Приходько, Коловоротова ушла к себе. К чести Регины, следует отметить, что она никогда не подглядывала за своими клиентами, справедливо полагая, что успех ее бизнеса зависит в немалой мере от умения хозяйки казаться слепоглухонемой.

Глава 7

Не думая ни о чем плохом, Регина стала заниматься своими делами. Приняла ванну, полакомилась кофейком, посмотрела телик, потом начала зевать, глянула на часы и удивилась. Уже очень поздно. Если Гриша решил остаться на ночь, то это стоит иных денег.

Регина поколебалась немного, но потом все же пошла к Приходько. Она собиралась осторожно постучать в дверь и выяснить намерения мужчины. Вообще-то Регина никогда так раньше не поступала. Тот же Бурмистров мог задержаться, но банкира Коловоротова хорошо знала, тот потом оплачивал долг, а тут неизвестный человек, в первый же раз нарушивший договоренность.

Дама беспрепятственно вошла в апартаменты, толкнув незапертую дверь. В ее душе возникло нехорошее предчувствие. Похоже, гость убежал, как бы не спер чего.

Но в комнатах все оказалось на своих местах, и сердце Регины вновь застучало спокойно. Просто-напросто Гриша оказался безответственным парнем, ушел, забыв вернуть ключи. Регина обозлилась. Ну вот, теперь придется менять замки, муторное дело. Может, этот противный мужик еще и свет не выключил в ванной и туалете? Серdito качая головой, Коловоротова дошла до санузла, распахнула дверь и зажала рот руками.

На красивой плитке лежал скрюченный труп женщины. То, что незнакомка мертва, не оставляло сомнений. Живой человек не сможет находиться в столь неудобной позе, вывернув невероятным образом руки и ноги, больше пары секунд.

Регина опрометью кинулась к себе. Дома, придя в себя, она позвонила в милицию и сообщила о странной находке. Естественно, правды она рассказывать не стала.

– Увидела, что лампочка не горит, и забеспокоилась, – смело лгала Регина приехавшим оперативникам.

Я выслушал даму и попросил:

– Телефон Бурмистрова дадите?

– У меня его нет, – слишком быстро ответила она и с самым честным видом захлопала ресницами.

– Дорогая Регина Андреевна, – улыбнулся я, – есть в нашем Уголовном кодексе очень неприятная статья, подразумевающая суровое наказание для лжесвидетеля. Вы изумительным образом подпадаете под ее действие, просто классический пример.

– Ой, – прошептала Коловоротова, – и много за такое дают?

– До пятнадцати лет, – мигом соврал я.

– Мама, – взвизгнула Регина, – но ведь я ничего плохого не совершила! Просто людям помогала! Неужели за доброе сердце можно в тюрьму посадить? Что делать, а?

Я погладил ее по плечу.

– Абсолютно согласен, поэтому и предлагаю вам небольшой компромисс. Вы никому не рассказываете о моем визите, даете координаты Бурмистрова и забываете обо мне. Не скрою, я скажу начальству, что сам нашел этого Гришу, скорей всего, он и есть убийца. Мне хочется получить повышение по службе, а вам не надо шума. Так как, договорились?

Я очень надеялся, что Регина не станет размышлять над ситуацией. Иначе ей в голову могла прийти вполне логичная мысль: Иван Павлович же все равно объяснит начальству, как дорылся до Гриши, и история со сдачей квартиры обязательно выплывет наружу.

– Да, да, да, – закивала Регина, – хорошо, пишите телефон. Может, мне лучше уехать отдыхать? На месяцишко. В Москве жара, подамся на море.

– У вас не брали подписку о невыезде?

– Нет, – ужаснулась Регина. – А что, могли?

– Конечно, – решил я напугать противную бабу по полной программе, – наверное, просто забыли. Но в следующий раз обязательно вспомнят. Поэтому прямо сейчас пакуйте чемодан.

– Именно так я и поступлю, – засуетилась Коловоротова, – у меня одна знакомая в железнодорожной кассе работает, а другая в Феодосии домик имеет, давно к себе зовет. Через сутки меня тут днем с огнем не сыскать будет!

– Правильно, – одобрил я, – вернетесь спустя тридцать дней, страсти и улягутся.

Нетерпение так сильно толкало меня в бок, что я начал набирать телефон Бурмистрова прямо в лифте.

– Банк, – проговорил приятный девичий голос, – Катерина, чем могу вам помочь?

– Можно поговорить с Бурмистровым?

– Минуточку.

Заиграла какая-то мелодия, потом послышался другой голос, более взрослый:

– Приемная. Анна. Чем могу помочь?

– Мне нужен Владилен Бурмистров.

– Вы по какому вопросу?

– ...по э... ну... дело личное.

– Владилена Семеновича сейчас нет, могу вас записать на прием.

– Да, спасибо.

– Восьмое ноября, девять утра устроит?

– Восьмое ноября?! Анна, сейчас август!

– Извините, но у Владилена Семеновича остальные дни расписаны, – не дрогнула секретарша.

– Не может ли он меня принять сейчас?

Анна хихикнула:

– Нет.

– Мне очень надо!

– Рада бы помочь, но, увы!

– Буквально на минутку.

– Невозможно. Владилен Семенович отсутствует. Он поехал обедать, потом у него дела, все вне офиса.

– Я могу прибыть к нему домой или пересечься с ним в любом месте.

– Послушайте, – Анна добавила металла в тон, – Бурмистров не имеет сейчас свободного времени. Впрочем, можете оставить свой телефон, если возникнет окно, обязательно позвоню.

– А где он обедает? – быстро спросил я.

Анна, потеряв всякую профессиональную вежливость, отсоединилась. На мой вопрос она, естественно, не ответила.

Я повертел в руках мобильный и решил действовать иначе. Пальцы снова набрали номер.

– Банк, Елена, чем могу помочь?

– Хочу открыть у вас счет...

– Пожалуйста, приезжайте. Мы работаем до двадцати одного без перерыва, наш адрес... – затараторила выученный текст девочка.

Я удовлетворенно слушал ее. Банк, которым руководит милейший любитель блондинок, находится буквально за углом, мне даже не нужно садиться в машину.

В сверкающем чистотой зале толкалось много народа. Служащие, симпатичные девочки и мальчики, одетые в безукоризненные костюмы, были заняты беседами с клиентами. Я спокойно притулился в уголке и начал рассматривать менеджеров. Вероятно, мне лучше всего

иметь дело не с ними, а вон с той холеной дамой в ослепительно белой блузке, сидящей за столом с табличкой «Консультант».

Приняв решение, я приблизился к мадам и, навесив на лицо печальное выражение, воскликнул:

– Умоляю, помогите.

Консультант улыбнулась:

– Если речь идет о нашем банке, то с удовольствием.

– Вы знаете Бурмистрова?

– Владилена Семеновича? Естественно, он наш начальник.

– Слава богу! – воскликнул я.

– В чем дело? – удивилась дама.

Я скосил глаза на бейджик, прикрепленный у нее с левой стороны груди: «Наталья».

– Понимаете, Наташенька, я журналист, владелец небольшого журнала, очень надеюсь, что скоро сумею раскрутиться, но пока, признаюсь честно, бизнес идет ни шатко ни валко. Семьи у меня нет, живу один.

Пальчики Натальи, не обремененные обручальным кольцом, дрогнули, в глазах появился неприкрытый интерес. Я отметил произошедшую с ней метаморфозу и утроил старания.

– Для того чтобы встать на ноги, мне нужен кредит, но Владилен Семенович не дает денег.

– Почему? – заинтересовалась Наташа.

– Говорит, я не сумею вернуть его, журнал не наберет обороты. В общем, мы с Бурмистровым поспорили. Он утверждает, что я не умею собирать информацию и нарываться эксклюзив, а мне кажется, что Владилен вредничает. Сначала мы слегка покричали друг на друга, а потом он сказал: «Хорошо. Я сегодня занят, единственный свободный час – во время обеда. Подъезжай. Но место, где я обычно бываю, не укажу. Проявишь смекалку, найдешь ресторан, получишь кредит. Если нет, то я прав, ты никчемушный борзописец».

– Очень похоже на Владилена Семеновича, – с сочувствием пробормотала Наталья.

– Хожу вот теперь по банку. Попытался порасспрашивать Анну, но...

– Анька кремень, – засмеялась Наташа. – Крокодил в юбке, стережет хозяина, хотя за ее зарплату и я бы челюстями щелкала.

– Вот брожу по залу, – ныл я, – осматриваюсь, увидел только одно симпатичное лицо, ваше, ну и рискнул. Сделайте божеское дело, Наташенька, помогите.

Дама улыбнулась:

– Посидите тут пару минут.

Я замер у столика, глядя, как моя собеседница направляется в глубь деньгохранилища. Ее не было довольно долго, я уже начал волноваться, но тут она вернулась.

– Вот, держите, здесь написан адрес.

– Спасибо! – воскликнул я.

– Ресторан «Айдо», тут близко, через два перекрестка.

– Я ваш должник на всю жизнь!

– Внизу мой мобильный телефон, позвоните и скажите, удалось ли встретиться.

– Конечно, непременно, прямо сегодня вечером, – пообещал я и ринулся к выходу. Ох, правильно говорят, что известно двум людям, легко узнает и полк солдат.

«Айдо» оказался клубом. Маячивший у двери парень быстро окинул взглядом мой костюм, ботинки и, оставшись доволен, спросил:

– Вы постоянный член?

Вот уж красивая фраза. Хотя бы добавил в конце – «клуба Айдо».

– Нет, – сообщил я.

– У нас бизнес-ланч стоит пятьсот рублей.

– Изумительно.

– Телевизора и газет не держим.

– Великолепно.

– Ни музыки, ни танцев нет.

– Вы собираетесь отпугнуть меня? Если да, то применяете неправильную тактику, – улыбнулся я, – терпеть не могу шума, а ваш клуб порекомендовал мне Владилен Семенович Бурмистров. Насколько я знаю, он сейчас как раз обедает!

– Да, конечно, – закивал привратник, – входите, рады вас видеть. Владилен Семенович в VIP-зоне, слева от основного зала.

Я пошел по темно-бордовой ковровой дорожке. Человеческое тщеславие неутолимо. В клубе «Айдо», тщательно закрытом для людей с улицы, еще имеется VIP-зона! Это, однако, смешно.

Ни один человек не встретился мне по дороге, вокруг стояла мертвая тишина, сложно было представить себе, что за стенами здания шумит многолюдный проспект и несутся машины. Коридор уперся в дверь из красного дерева, на филенке которой горели большие латунные буквы VIP. Я толкнул створку, увидел тридцатиметровую комнату с зашторенными окнами и единственного посетителя: толстого лысого дядьку, сидевшего над тарелкой.

Раздраженно бросив ложку на стол, Бурмистров сказал:

– Какого черта? Велел же не входить, пока не позову!

Я улыбнулся:

– Это VIP-зона? Я не ошибся дверью?

Владилен Семенович осекся.

– Вы кто?

– Разрешите представиться, Иван Павлович Подушкин, гость клуба.

Банкир попытался навесить на лицо улыбку.

– Рад знакомству. Извините, принял вас за... – Не договорив, Владилен Семенович примолк.

– ...халдея, – договорил за него я.

– Не хотел вас обидеть, – буркнул банкир.

– Не нахожу ничего неприятного в сравнении с официантом!

– Хватит меня поучать! – вскочил вдруг на ноги Бурмистров. – Надоело! Вечно спорите!!!

Я в изумлении уставился на толстяка.

Владилен Семенович обвалился на стул.

– Простите, пожалуйста, сам не знаю, что говорю. Ужасно.

– Ничего, – бормотнул я, – жара изматывает, духота страшная, вот у людей сосуды и не выдерживают. Есть хороший способ привести себя в порядок: легкая седативная терапия вкупе с мануальным воздействием...

– Вы врач? – резко спросил Бурмистров.

– Нет, но имею приятелей, талантливых медиков. Хотите, дам вам телефоны?

– На... мне консультации, – вновь разъярился Владилен Семенович.

Его спрятанные в набухших веках глаза стали выкатываться на щеки, губы затряслись. Я испугался по-настоящему, как бы Бурмистрова удар не хватил. Наверное у хама давление зашкаливает. Может, пойти поискать администратора? Пусть он вызовет врача.

И тут, как на грех, дверь приоткрылась, появился стройный юноша в черном костюме.

– Владилен Семенович, – прожурчал он, – второе несуг. Телячьи котлетки, как просили, на сливочном масле, в сухариках. М-м-м, изумительно получились!

Бурмистров набрал полные легкие воздуха и заорал:

– Котлетки!.. Я велел не входить! Сухарики!...!...!

Халдей попятился, на его лице появилось выражение легкой обиды.

– Еще и морды корчит! – мигом отреагировал банкир. – Да я тебя.....!

Дальнейшие события разворачивались молниеносно. Не успел я моргнуть, как сарделькообразными пальцами Бурмистров ухватил тарелку и швырнул ее в официанта. Тот взвизгнул, уронил поднос и выскочил в коридор. Банкир принялся метать в закрытую дверь столовые приборы, подсвечник, блюдо с булочками, солонку, перечницу, кольца для салфеток...

Я бросился к нему и схватил его за плечи.

– Владилен Семенович, успокойтесь.

Внезапно буян обмяк, упал на стул и простонал:

– Господи! Что со мной происходит. Ужасно! Позовите прислугу!

Я выглянул в коридор.

– Кто-нибудь! Сюда!

Тишина.

– Сделайте одолжение, – прошептал за моей спиной Бурмистров, – пригласите Илью, администратора, он в соседнем зале находится.

Я отправился на поиски служащего. Услыхав, в чем проблема, Илья мгновенно прибежал в VIP-отсек и заломил руки.

– Владилен Семенович, дорогой! Вам плохо?

– Голова болит, – слабым голосом ответил банкир, – череп просто раскалывается.

– Леня, Миша, Аня, – заорал Илья, – рысью сюда! Отведите Владилена Семеновича в кабинет, уложите на диване. Уберите в зале, живо!

Два парня осторожно подхватили банкира под локти и засюсюкали:

– Пойдемте остороженько, ножку поднимите, аккуратненько, не торопитесь!

Девушка присела на корточки и стала собирать осколки.

– Ужасно! – простонал Илья. – Вы с ним?

– Да, – кивнул я, – хотели пообедать, и вдруг такое. Скажите, с Владиленом Семеновичем часто подобные приступы гнева случаются?

Илья начал вздыхать:

– За последнюю неделю это уже третий. Честно говоря, мы все тут в непонятках. Владилен Семенович к нам восемь лет ходит обедать. Он тонкий гурман, всегда поварам особые задания дает, а еще из всех поездок рецепты привозит и на кухню отсылает. Очень к еде придиричив, но это нас совершенно не напрягает. Шеф готовить обожает. У них с Бурмистровым просто любовь на почве кулинарии. И Владилен Семенович всегда хорошо платит, чаевые дает с избытком, никаких проблем у нас с ним не имелось, его тут все любят. Очень внимателен, и, знаете, он добрый человек, кое-кому из наших денег в долг давал. Когда он в понедельник наорал на официантку, мы его пожалели. Устал человек, переутомился, бывает. Владилен Семенович потом извинялся, подарил девушке сто баксов. В среду Бурмистров снова впал в раж, на этот раз досталось Мише, Владилен Семенович в него миску с салатом метнул. Главное, так мы и не поняли, что его озлобило. Мишка суп внес и спросил: «Вам гренок насыпать?» Разве что обидного сказал? А?

– Нет, конечно, – ответил я.

– Вот-вот, – вздохнул Илья, – а что получилось! Хорошо он суп на Мишку не вылил. И сегодня снова... Может, заболел?

– Вполне вероятно, – подхватил я, – у человека есть такой орган, щитовидная железа. Я слышал, что при нарушении ее функций у некоторых личностей могут возникать неуправляемые припадки гнева. Куда вы увели Бурмистрова?

– В кабинет, – ответил администратор, – там диван удобный, пусть полежит, отойдет.

– Проводите меня к нему.

– Конечно, – засуетился Илья, – сей момент, прошу вас.

Глава 8

Бурмистров раскинулся на широкой софе. Чьи-то заботливые руки сняли с него дорогие ботинки и прикрыли ноги клетчатым пледом. Увидав меня, Владилен Семенович попытался присесть. Я испугался:

- Пожалуйста, не шевелитесь. Надеюсь, вы уже лучше себя чувствуете?
- Голова, как после попойки, – пожаловался банкир, – чумная и кружится.

Я сел около Бурмистрова:

– Вам нужно срочно обратиться к врачу. Наверное, имеете личного доктора? Лучше всего вызвать его прямо сюда.

– Думаете, дело так плохо?

– Нет, нет, но консультация специалиста необходима. Давно с вами подобное происходит?

Владилен Семенович мотнул головой:

– Нет.

– А с чего началось?

– Не знаю. Просто в глазах темнеет, а потом ничего не помню. Накатывает припадками.

– Может, вы нервничали сильно? На работе неприятности?..

Бурмистров ухмыльнулся:

– В моем бизнесе неприятности редко случаются! Финансисты стрессоустойчивы, это у нас профессиональное.

Я внимательно посмотрел на добродушное лицо Бурмистрова. Пришел сюда, чтобы любыми способами вытащить из него информацию о Григории, но, похоже, сейчас никакие серьезные разговоры с Владиленом Семеновичем вести нельзя.

– Но ведь что-то выбило вас из колеи. Может, вы принимаете тайские таблетки? Конечно, это не мое дело, но не могу вас не предостеречь. Это средство для похудения начисто губит здоровье.

– Мне и в голову бы не пришло напихиваться дрянью, – ответил банкир, – я вообще не употребляю лекарств, здоров совершенно. Даже давление нормальное.

– Вам до недавнего времени было не свойственно поведение истеричной дамы?

– Конечно, нет.

– Но что-то случилось, и организм выдает нестандартную реакцию, – попытался я разобраться в произошедшем.

– Господи, – прошептал Бурмистров, – вдруг у меня опухоль в мозгу? Давит на какие-то центры – и вот результат.

– Сейчас нейрохирургия далеко зашла, – мигом воскликнул я, – сделаете операцию и забудете о приступах. Если полагаете, что у вас какие-то сбои в организме, тем более надо побыстрее обратиться к специалисту.

– Я боюсь, – по-детски прошептал Владилен Семенович. – Вдруг чего найдут?

– Недуг лучше давить в зародыше, и потом, извините, но вы не похожи на слабака. Насколько я знаю, руководите большим банком, мямля на вашем месте не удержится.

– Да, – кивнул Бурмистров, – господа, опухоль! Это явно она! Как я не догадался раньше! В глазах темнеет, слабость во всем теле, руки-ноги трясутся, потом темнота сгущается, и я не помню, что творю. Это точно онкология. Мне не выжить! Боже, за что? Еще ничего сделать не успел! Жениться все собирался! Думал о детях! Супругу себе искал! Не нашел! Зачем столько работал? Жизнь мимо прошла! Да я и не жил совсем. Господа, ну почему на мою долю это выпало?

На глазах Бурмистрова появились слезы. Я старательно улыбался, но испытывал тревогу. Похоже, несчастный толстяк и впрямь серьезно болен. Он ведет себя сейчас, как женщина при климаксе, но у дам переходы от гнева к слезам обусловлены гормональными сдвигами. Кстати о гормонах!

– Знаете, – я взял Бурмистрова за влажную, холодную ладонь, – никакой у вас опухоли нет. Это совершенно точно.

– Спасибо, конечно, – попытался справиться с рыданиями Владилен Семенович, – только я человек разумный и...

– Вовсе у вас ничего нет, – бодро воскликнул я, – могу объяснить, на чем основана моя уверенность. Уж извините, но приведу пример из вашей интимной жизни. Регину Коловоротову знаете?

Бурмистров слабо улыбнулся:

– Конечно, я ее квартирой пользуюсь, а вам об этом откуда известно?

– Сам иногда посещаю апартаменты и случайно нашел там однажды вашу визитку, – выкрутился я.

Владилен Семенович начал приобретать нормальный цвет лица.

– Я не женат, – пояснил он, – живу вместе с мамой. Она очень пожилая женщина, но вздорность характера и желание перепилить мне череп нотациями сохранила в первозданном виде. Любая женщина, приведенная мною в дом, вызывает у матери такой приступ истерики, что приходится ходить к Регине. Кстати, это очень удобно, пришел – ушел, никаких хлопот о всяких мелочах типа уборки и постельного белья – о них хозяйка думает. А вы почему к Коловоротовой бегаєте?

– Не поверите, – улыбнулся я, – у меня та же ситуация, вздорная матушка. Наверное, следует ее окоротить, да окаянства не хватает. Так к чему я про Регину вспомнил. Похоже, вы импотенцией не страдаете?

– Нет, – развеселился Бурмистров и сел, – с чем, с чем, а с этим полный порядок, я резв, как в молодые годы.

– Опухоль мозга в первую очередь поражает у мужчин отдел, отвечающий за половую сферу! – уверенно соврал я, мне хотелось подбодрить беднягу банкира.

Владилен Семенович глубоко вздохнул:

– Вы уверены?

– Стопроцентно, – слукавил я, – можете не сомневаться. Скорей всего, у вас шалят сосуды или щитовидка подводит. Да, точно, она барахлит. Отсюда, простите, и избыток веса.

– Верно, – расслабился Бурмистров, – у меня заместитель есть, так вот он внезапно в разные стороны пополз и стал людям хамить. Я его к врачу погнал, и обнаружили какие-то гормональные сдвиги. Сейчас он снова стройный, приветливый. Боже, какой я идиот! Спасибо, Иван Павлович! Огромное вам спасибо.

– Не стоит благодарности.

– Вы на меня столько времени потратили, не поели.

Я улыбнулся:

– Собственно говоря, я сюда шел не обедать.

– А зачем?

– Поговорить с вами.

– Со мной? – удивился банкир.

– Уж извините, но опять про Коловоротову, понимаю деликатность вопроса...

– Ерунда!

– Вы порекомендовали ей некоего Григория?

– Григория? Григория... ах да!

– Не могли бы подсказать мне его телефон и адрес.

– Зачем?

Я замялся.

– Был у Регины утром и случайно забыл в прихожей мобильник. Позвонил Коловоротовой, велел ей забрать аппарат, а она сказала: «Сейчас апартаменты заняты, когда освободятся – непременно выполню вашу просьбу». Но после ухода гостя сотового она не нашла. Скорей всего, он по ошибке прихватил его с собой. Наплевать на сам мобильный, купить другой не проблема. Но там телефонная книжка, вот в чем катастрофа. Я наорал на Регину, ну и выдал из нее информацию об этом Григории.

– Без проблем, – усмехнулся Бурмистров, – только, когда будете звонить, разговаривайте осторожней, у Гришки жена необычайно ревнива. Отелло рядом с Маргаритой ребенок. Дайте мне пиджак.

Я выполнил просьбу. Владилен Семенович выудил из внутреннего кармана телефонную книжку.

– Пишите. Арапов Григорий Юрьевич...

В это мгновение я сообразил, что при себе не имею ни блокнота, ни карандаша, и удрученно воскликнул:

– Погодите, схожу за ручкой.

Бурмистров снова пошарил в кармане пиджака и протянул мне золотую ручку с красным наконечником в виде бомбочки.

– Там, на столе, листы есть, – сказал он.

Не успел я записать цифры, как появился Илья.

– Владилен Семенович, – зажурчал он, – врач приехал, можно ему войти?

– Через минуту, – кивнул Бурмистров и протянул мне визитку. – Тут все телефоны, вон тот личный, известный очень узкому кругу людей. Звони, Иван Павлович, всегда буду рад помочь.

– Вот мои координаты, – произнес я, протягивая свою карточку.

– Спасибо тебе.

– Не за что.

– Уж извини.

– Не стоит даже говорить на эту тему, – улыбнулся я, – вы только непременно обследование пройдите.

Бурмистров кивнул, я направился к двери.

– Иван Павлович, – раздалось за спиной.

Пришлось обернуться.

– Слушаю.

Владилен Семенович протянул мне «золотое перо».

– У тебя же ручки нет, возьми.

– Спасибо, я ее в машине оставил.

– Ну пожалуйста, мне хочется сделать тебе подарок.

– Это слишком дорогая вещь!

– Пустяки, – отмахнулся Владилен Семенович, – я ее не покупал, клиент мне вручил. Помог ему кое в чем, вот парень и приволок подарок. Протянул и сказал: «Пусть принесет вам удачу». Я теперь ее тебе передаю с теми же словами: «Пусть принесет Ивану Павловичу удачу». Не отказывай мне, от души ведь.

Я взял презент. Если честно, я великолепно обхожусь самыми обычными пластмассовыми ручками со стержнями. На мой взгляд, очень удобная штука, закончилась паста, выбрасываешь спокойно. Да и потерять такую совсем не жаль. А золотая ручка – это в основном для тех, кто любит выпендриться!

Но обижать Владилена Семеновича мне не хотелось, поэтому я взял подарок, сунул его в карман пиджака и ушел.

Телефон, который дал мне Бурмистров, оказался домашним, трубку сняла женщина, мигом заинтересовавшаяся:

– Кто его спрашивает?

– Иван Павлович Подушкин.

– По какому вопросу?

– Ну, – слегка растерялся я, – связанному со службой.

– А именно?

– В двух словах трудно объяснить, речь идет о бизнесе.

– Считаете меня дурой, не способной к умственной деятельности? – вскипела собеседница.

– Ну что вы, – попытался я успокоить даму, – и в мыслях ничего подобного не держал!

– Знаю, знаю! – заорала та. – Гришка всем говорит, что я идиотка, ничего не вижу, не слышу, не понимаю. Нашел дуру! Тебя Ленка подслала, да? Ага! Вот с кем сейчас Гришка!

– Вы не так меня поняли...

– Передай этой..., что Гришка мой! – вопила, как сирена, тетка. – Нечего к нему лезть! Небось уж губы раскатала и мужика получить, и квартиру, и дачу... Не фига! Обломается! Не смей сюда звонить...

Телефон обиженно запищал.

Я очумело потряс головой. Иногда мне, как и прочим мужчинам, приходят в голову мысли о создании семьи. Хочется уюта, домашних обедов, мило щебечущей супруги, кроме того, я испытываю потребность о ком-то заботиться, защищать при столкновении с жизненными невзгодами. Но все благие намерения рассыпаются в прах, когда смотришь на то, каких женушек нашли себе другие мужчины. Ей-богу, этого Гришу стоит пожалеть, тяжелая жизнь у парня.

Мобильный резко зазвонил, я вздрогнул. Вдруг у этого Григория дома стоит определитель номера и сейчас его вздорная жена начнет терроризировать меня. Но на том конце провода оказалась Николетта.

– Вава, – прощепетала она, – ты скоро приедешь?

– Уже в пути.

Маменька захихикала:

– Хорошо, поторопись.

Я насторожился.

– Ну... неважно! Не задерживайся, – загадочно ответила Николетта и отсоединилась.

Полный дурных предчувствий, я порулил домой. Скорей всего, сейчас мне не дадут спокойно покайфовать в кресле с любимой книгой. Заставят ехать в круглосуточно работающий магазин или отправляться на вечеринку.

Дверь мне открыла сама Николетта, облаченная в голубую шелковую пижаму.

– Вава, – взвизгнула она, – ты слишком много работаешь!

– Так уж выходит, – осторожно ответил я.

– Ступай ужинать, небось весь день голодным ходишь.

Я насторожился. У Николетты приступ любви к сыну? Тогда дело плохо. Сейчас она минут пять будет демонстрировать исключительную заботу о моей скромной особе, а потом закатит вселенский скандал с рефреном «Ты мало уделяешь матери внимания». Николетта устроена таким образом, что ей ежедневно просто необходимо либо уйти на пару часов из дома, либо принять у себя толпу гостей. Находиться в одиночестве маменька не умеет и не

желает. Все милые женские хобби типа разведения цветов, вязания, шитья и готовки обошли ее стороной. Николетта была и остается светской дамой, способной лишь прыгать по вечеринкам. Иногда мне кажется, что баснописец Крылов, создавая культовую басню про стрекозу и муравья, фатально ошибся. На самом деле финал был другим. Ветреная прелестница вышла замуж за трудолюбивого зануду и капитально испортила тому жизнь, заставив слишком правильного муравьку оплачивать свои новые платья и драгоценности.

– Немедленно мой руки, – суежилась Николетта, – живо, живо, и ступай в столовую.

Я подчинился приказу, ополоснул ладони, вошел в комнату, обставленную тяжелой дубовой мебелью, и сел за стол. Маменька многократно рассказывала всем о том, что в нашей квартире находятся антикварные раритеты, доставшиеся ей от прабабки.

– На этих креслах сживал сам Александр Первый, – восклицала она, – мои предки служили при дворе, общались с царями.

Я, естественно, никак не комментирую эти высказывания, но очень хорошо знаю, откуда прибыли сии гарнитуры. Из комиссионного магазина. Когда родители переехали в эту квартиру, Николетта сначала пала жертвой моды и обставила ее «по-современному», креслами, столиками на паучьих ножках, раскладными диванами и хлипкими шкафчиками. Но потом она кардинально поменяла стиль, вот с тех пор у нас и громоздится «мебель предков».

– Ешь с хлебом, – тараторила Николетта, – завяжи салфетку, положи масло, а лучше сметану. Дай помешаю салат. Фу, какой ты неаккуратный.

Я внимательно посмотрел на маменьку. Выглядит она самым обычным образом. На слишком худощавом теле роскошная шелковая пижама стоимостью... Ладно, не будем о грустном. В ушах покачиваются хорошо знакомые мне бриллиантовые сережки, пальцы унизаны сверкающими кольцами, холеное лицо покрывает ровный слой макияжа. Но что-то с ней не так! Что? Николетта никогда раньше не перемешивала салат. И ей не свойственна длительная забота о сыне. Как правило, маменька способна лишь на мимолетное проявление внимания: либо она велит мне идти в ванну, либо предлагает поесть, но чтобы одновременно и то и другое... Ей-богу, странно.

– Как у тебя дела? – осторожно спросил я и почувствовал на зубах песок. Тася опять плохо помыла листья рукколы, сунула весь пучок под струю, не разобрала его на листья.

– Прекрасно, – взвизгнула маменька, – а у тебя, деточка? Устал?

Вилка выпала у меня из рук. «А у тебя, деточка? Устал?» С ума сойти! Что это с Николеттой?

Пока я пытался прийти в себя от изумления, маменька быстро нагнулась, подобрала столовый прибор и положила его на стол, не произнеся раздраженно любимую фразу: «Вава! Весь в отца! Даже поесть нормально не можешь!»

– Хочешь какао? – вдруг спросила Николетта.

И тут до меня дошло.

– Мэри, это вы!

Тетка захихикала.

– Фокус не удался, факир был пьян! Нико, иди сюда!

В комнату влетела Николетта в красном брючном костюме.

– Экая ты, – укорила она сестру, – не сумела его обмануть.

– Он сначала поверил, – отбивалась Мэри.

– Ага, на пять секунд.

– Нет, больше.

– Пять секунд! – упрямо повторила маменька, но Мэри не уступала сестре.

– Нет, больше.

– Пять секунд.

– Нет, больше.

- Пять секунд!!
- Больше!!!
- Пять!!!

У меня закружилась голова. Милые дамы внезапно прекратили трясти друг друга и налетели на меня.

- Немедленно объясни, почему ты догадался! – завопила Николетта.
- Да, признавайся, – потребовала Мэри.
- Я заулыбался:
- Ну...
- Не мямли!
- Прекрати жевать мочалку!
- Живо объяснись!
- Фу! Слова сказать не может!
- Что за дурацкая манера бубнить себе под нос!

Наверное, следовало заявить прелестницам: Николетта никогда не бывает заботливой по настоящему, но я отчего-то постеснялся сказать правду и быстро заявил:

- У Мэри слегка темнее оттенок волос.
- Дамы бросились к комоду, над которым висело большое зеркало.
- Не может быть, – хором заявили они.
- Воцарилась тишина. Потом Николетта взвизгнула:
- Вава, собирайся!
- Куда? – оторопел я.
- Едем красить волосы.
- Но уже поздно.
- Ничего, мастер задержится, – заверещала Николетта, – немедленно звони Рите.
- Однако...
- Вава!!!

Рука сама собой схватила телефон. Капитализм, установившийся в России, принес лично мне много неудобств. В советские времена цирюльни закрывались в четко установленное время и никакие ваши мольбы не могли заставить мастера задержаться на работе. Увы, сейчас все обстоит по-другому. Милая девочка Рита услужливо будет ждать клиенток хоть до утра.

Глава 9

Николетта и Мэри влетели в салон, чуть не сбив с ног охранника.

– Рита! – заорала маменька. – Ты где?

Хорошенькая стройная рыжеволосая девушка подбежала к ресепшен.

– Здравствуйте, здравствуйте, – радостно защебетала она, – я очень рада. Только вчера думала, вроде вам краситься пора...

Я сел в кресло, стоящее у большого окна-витрины, и вынул сигареты. Тут же подскочила еще одна хорошенькая, на этот раз не рыженькая, а черноволосая девочка и спросила:

– Чай, кофе не желаете?

– Нет, мой ангел, – покачал я головой, пытаюсь вспомнить, как зовут симпатягу. Такое необычное, восточное имя... А! Гаянэ!

– Просто здорово, что выбрали время, – тараторила тем временем Рита, вытаскивая из шкафа два безукоризненно белых и идеально отглаженных кимоно, которые тут надевают на клиентов, чтобы те, не дай бог, не испачкали свою одежду.

Я спокойно обозрел зал. Уже почти десять вечера, но, похоже, никто из работников не собирается уходить домой. Маникюрша Ира старательно пилит ногти размазанной девчонке, стилист Дима бегаёт с феном в руках вокруг какой-то пожилой особы, стайка девушек с ресепшен разносит кофе и чай. И все цветут улыбками. Интересно, им на самом деле приятно или это профессиональная вежливость в купе с желанием заработать?

Я тяжело вздохнул и взял из корзинки, стоящей у моих ног, глянцевого журнала. Нет, скорей всего, здесь просто подобрались приятные люди. Лично я бы заплакал при виде клиентки типа Николетты.

Высокий, въедливый голос маменьки летал над залом:

– А здесь следует сделать так! Нет, не берите синий шампунь! Не спорьте, я лучше знаю!

– Может, выпьете чайку? – снова подскочила ко мне Гаянэ. – Ждать долго придется. Могу вам из кафе ужин принести. У них сегодня курица вкусная. Или сгонять за суши? С угрем такие классные и некалорийные!

– Спасибо, душенька, – улыбнулся я.

Девочка, сверкнув белозубой улыбкой, убежала. Я посмотрел ей вслед. Достанется же кому-нибудь такая радость: Гаянэ приветлива, красива, воспитанна и хочет сделать вам приятное не из желания получить чаевые, а от доброты характера.

– Вы льете мне на голову кипяток! – заорала Николетта.

– Ну просто безобразие! – мгновенно раздвоился ее голос.

Я вздрогнул, никак не привыкну, что маменек двое. Правда, Мэри вроде не так избалована и капризна, впрочем, скорей всего, я просто ее не знаю как следует.

– Да что с вами сегодня, – негодовала маменька, – не видите, вода по спине течет!

Я встал, подошел к ресепшен и спросил у хорошенькой блондиночки с сережкой в носу:

– Полина, скажите, Николетта останется тут надолго?

– Ну, как всегда, – кивнула девочка, – два с половиной часа.

– Пойду пока пройдуся. Если что, позвоните на мобильный.

– Конечно, Иван Павлович, ступайте, – закивала Полина, – только, если покушать желаете, идите в наше кафе, жара в городе, не стоит в незнакомом месте ужинать.

– Я просто хотел подышать воздухом.

Полина засмеялась:

– Воздухом! Вот уж чего на Тверской не найти! Птичье молоко есть, а кислорода – ни за какие деньги не сыскать!

Я улыбнулся ей в ответ, у девочки замечательный смех: звонкий, как колокольчик.

– Значит, пойду дышать бензиновыми парами.

Полина засмеялась громче, неожиданно у меня стало легко на душе. Может, и правда существует такая вещь, как энергетика? Пришел я в салон уставшим, а посидел тут чуток, полюбовался на приветливые, улыбочивые лица и получил заряд отличного настроения и бодрости.

По Тверской, несмотря на поздний час, текла говорливая, разноцветная толпа. Нынешним летом даже мужчины влезли в голубые, розовые, красные брюки, а уж от футболок и вовсе рябит в глазах. То, что еще пару лет назад считалось кичем, теперь вошло в моду: яркие картинки на майках, обувь и пиджаки, усыпанные стразами, сочетание зеленого и фиолетового вкупе с бордовым...

Я добрался до сквера, сел на скамейку, вынул мобильный и набрал телефон Гриши.

– Да, – ответил раздраженный голос.

– Позовите, пожалуйста, Григория Юрьевича Арапова.

– Я у аппарата.

– Ваш номер дал мне Владилен Семенович Бурмистров.

– Слушаю.

– Уж извините, разговор не телефонный.

– И что?

– Не могли бы мы встретиться?

– На предмет чего?

– Мне надо задать вам один вопрос.

– Вам надо, а мне нет. С какой стати я попрусь болтать неизвестно с кем!

– Могу сам приехать сейчас к вам.

– Еще чего! О чем речь? О повидле?

– Простите?!

– Если вы решили купить джем, то мы...

– Нет, – вздохнул я, – ваш визит к Регине Коловоротовой...

– К кому?

– Регине Андреевне Коловоротовой.

– Это кто?

– Владелица дома свиданий.

– Что?!

– Григорий, очень хорошо понимаю, что никакие серьезные разговоры сейчас вы вести не можете, рядом стоит жена. Но, если не согласитесь... – строго сказал я.

– Что за дурь! – взвыл Арапов. – Вы на мобильник звоните! Вообще-то я еще в офисе парюсь!

Я растерялся:

– Но утром я набирал этот номер и нарвался на женщину, которая сначала сообщила, будто вас нету, а затем, решив, что меня попросила позвонить некая Лена, рассвирепела, аки лев!

Гриша крикнул:

– Во блин! Я в ванной небось брился, а Ритка мобилу схватила, вечно она меня поймать хочет. Так в чем дело? Какая Регина? Что за свидания? Ничего не знаю.

– Ну хоть о Бурмистрове слышали? – с легкой ехидцей спросил я.

– Конечно, – не заметил издевки Григорий. – Владилен Семенович всякий знает.

– Бурмистров просил оказать мне содействие. Если вас не затруднит, назовите адрес своей конторы, мигом прикачу и много времени не отниму.

– Так, – рывкнул Гриша, – давайте номер телефона и представьтесь.

Узнав мои паспортные данные, Арапов отсоединился, успев буркнуть на прощанье:
– Трубу не занимай.

Держа мобильный в руке, я вновь принялся разглядывать толпу. Завидую ли я сегодняшним молодым? Да, ужасно. У них намного больше возможностей, чем у нас, они более свободны, раскованны, способны смело сказать «нет» тем, кто пытается подмять их. Я же был возвращен в жестких ограничениях, моя юность состояла из одних частиц «не». Неприлично курить на улице, нельзя не работать, невозможно поехать за границу отдыхать, не достать любимых книг, хорошей одежды и качественных продуктов, неприлично быть богатым. Люди, перешагнувшие пенсионный рубеж и вспоминающие с глубокой тоской приснопамятные времена, старики и старухи, размахивающие флагами и транспарантами с надписями «Хотим в СССР», не понимают двух простых вещей. Они наивно полагают, что вместе с советским строем к ним вернется здоровье, вырастут потерянные зубы, закудрявятся волосы, нальются силой мышцы. Но этого не случится, никакой коммунистический лидер не сумеет реставрировать молодость. И второе. Заставив всю страну жить на грани нищеты, дав людям грошовые оклады, отняв у них возможность ездить в другие страны, чтобы те не сравнивали свои условия жизни с чужими, усиленно вдалбливая в головы несчастных «совков» постулат: «Бедность лучше богатства, все, кто имеет деньги, – воры и негодяи», сами правители вели совсем иной образ жизни. Я большой любитель мемуарной литературы и с интересом читаю воспоминания жен ближайших соратников Ленина и Сталина. Дамская проза более откровенна, чем мужская. Если политические деятели описывают в своих дневниках встречи, переговоры, протокольные мероприятия, то их супруги дают иную картину жизни. Захлебываясь от восторга, они пишут о Париже, Берлине, Лондоне, о роскошных магазинах, покупках, о том, как их баловали мужья, даря шубы и драгоценности. В СССР десятки, сотни тысяч крестьян попали в лагеря за крынку молока, унесенную домой с колхозной фермы для голодного ребенка, или за десяток колосков, подорванных на общественном поле. А дочка высокопоставленного папочки строчила в дневнике: «28 сентября 1939 года. Мы с мамочкой в Париже. Это роскошный город, жаль, что нельзя тут остаться навсегда. Большие бульвары волшебны, я съела вчера килограмм засахаренных каштанов и сегодня отказалась от завтрака, смогла лишь выпить кофе с булочками. Сейчас поедем в магазин, он закрыт для простых посетителей, в Париже умеют принимать интеллигентных людей, вот у нас пока такого нет, мы вынуждены брать платя в распределителе, а там никакого выбора, ужас! Я так и сказала маме: „Хоть убей меня, а не надену ни одну вещь, привезенную из Москвы, я в них отвратительно выгляжу. Просто стыд“». ²

Что же касается лозунга: «Богатство – порочно», то я очень хорошо знаю, отчего коммунисты усиленно внедряли его в массы. Социалистические лидеры хорошо понимали: народ следует стричь под одну гребенку, иначе еще, не дай бог, думать начнут.

Когда человек беспрестанно размышляет о том, как бы прокормить семью, он не способен ни к какой другой умственной деятельности. Тот, кто сумел своим трудом, подчеркиваю, трудом, а не воровством, скопить капитал, достоин уважения, он...

Сотовый завибрировал. Я поднес его к уху. Эк тебя занесло, Иван Павлович, думай не о мировых проблемах, а о том, как побыстрее найти убийцу Риммы Победоносцевой.

– Сретенский бульвар, – сухо сказал Григорий, – за полчаса доберетесь? Если нет, то завтра!

Я встал со скамейки.

– Нахожусь возле кинотеатра «Пушкинский», мне тут две минуты ходу.

Кабинет у Григория был обставлен с купеческой помпезностью, повсюду деревянные панели, позолота, кожа и мозаика из перламутра. Но самое шокирующее впечатление произ-

² Подлинная цитата из книги воспоминаний.

водил письменный прибор: огромные куски мрамора, украшенные бронзовыми фигурками античных богов и богинь. Скорей всего, сия поделка стоила бешеных денег, но посетителю, впервые перешагнувшему порог кабинета Арапова, могло показаться, что на столешнице устроено кладбище, этакий старинный погост, нечто типа Новодевичьего или Ваганьковского мемориального комплекса.

– Что за чушь! – забыв поздороваться, воскликнул хозяин, поднимаясь из рабочего кресла. – Дурь полная! Бурмистров попросил отдать вам мобильный! У меня его нет! Бредятина какая-то!

Не дожидаясь приглашения, я опустился в одно из помпезных кресел, подлокотники которого были выполнены в виде бронзовых орлов с распростертыми крыльями, и вежливо сказал:

– Григорий Юрьевич, разрешите представиться, Иван Павлович Подушкин, частный детектив. У меня к вам есть пара вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.